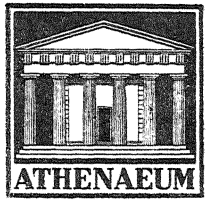
РИ
382
ит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТФЕЛИ

I

ВРЕМЯ ПУШКИНА

«АТЕНЕЙ»
1923

ATHENAEUM

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТФЕЛИ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТФЕЛИ

СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ И НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ИЗ СОБРАНИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА

I

ВРЕМЯ ПУШКИНА

PV
3366
ЛИТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АТЕНЕЙ»
ПЕТЕРБУРГ
1923

Петрооблит. № 3137. — 1000 экз.

Российская Государственная Академическая Типография.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие. . . . . 9—10

1810 г. С. Т. Аксаков. Письмо к сестре. Приготовил к печати *Н. В. Измайлов* . . . . . 11—18

1817 г. А. С. Пушкин. Коллективное письмо. Приготовил к печати *Б. Л. Модзалевский* . . . . . 19—25

1817 г. М. В. Милонов. Неизданное стихотворение. Приготовил к печати *Б. И. Коплан* . . . . . 26—28

1818 г. С. А. Соболевский. Юношеские стихотворения. Приготовил к печати *М. Д. Беляев* . . . . . 29—35

1821 г. И. П. Котляревский. Письмо к Н. И. Гнедичу. Приготовил к печати *А. И. Лященко* . . . . . 36—42

1822 г. Н. И. Гнедич. Письмо к Д. И. Хвостову. Приготовил к печати *Л. К. Ильинский* . . . . . 43—45

1823 г. Ф. Ф. Кокошкин. Письмо к М. Е. Лобанову. Приготовил к печати *Н. В. Яковлев* . . . . . 46—50

1823 г. Ф. В. Булгарин. Письмо к Н. И. Гречу. Приготовил к печати *А. И. Лященко* . . . . . 51—62

1824 г. А. Ф. Воейков. Два письма к Н. М. Языкову. Приготовил к печати *Б. Л. Модзалевский* . . . . . 63—69

1825 г. В. А. Жуковский. Записка к Н. И. Гнедичу. Приготовил к печати *Б. Л. Модзалевский* . . . . . 70—71

1825 г. В. К. Кюхельбекер. Обозрение Российской словесности 1824 года. Приготовил к печати *Б. В. Томашевский* . . . 72—79

1827 г. А. С. Пушкин. Письмо к А. А. Дельвигу. Приготовил к печати *Б. Л. Модзалевский* . . . . . 80—85

1827 г. З. А. Волконская. Записка к С. В. Веневитиновой. Приготовил к печати *И. А. Кубасов* . . . . . 86—89

1828 г. А. В. Никитенко. Письмо к А. П. Керн. Приготовил к печати *Н. М. Орлеанский* . . . . . 90—94

1830 г. С. П. Шевырев. Письмо к А. А. Дельвигу. Приготовил к печати *Н. В. Измайлов* . . . . . 95—99

Указатель имен. . . . . 100—102

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несмотря на обилие имеющихся и продолжающих появляться в печати материалов по истории новой русской литературы, планомерное и своевременное ознакомление с ними сильно затруднено. Материалы такого рода печатаются во всевозможных периодических и повременных изданиях, и быть в курсе всех новинок, при отсутствии у нас библиографических аппаратов, — задача нелегкая даже для специалистов.

Издательство „Атеней“ хотело бы притти на помощь в деле сосредоточения историко-литературных материалов, впервые извлекаемых на свет из портфелей самих писателей, лиц, находившихся с последними в тех или иных сношениях, а также из портфелей собирателей, сохранивших для потомства памятники жизни и деятельности отошедших в вечность строителей русской литературы. В этих целях издательство „Атеней“ решило приступить к опубликованию упомянутого рода историко-литературных материалов особыми сборниками: „Литературные Портфели“, самое название которых определяет их содержание и характер. Каждый сборник предположено заполнять материалами относительно однородными, т. е. относящимися к опре-

деленной, более или менее узко ограниченной эпохе, к тому или иному лицу, событию, явлению и т. п.

Мы ограничиваем круг наших интересов новой литературой, т. е. периодом XIX—XX веков, и начинаем наше издание с опубликования материалов, относящихся ко времени Пушкина.

Естественно, что в поисках материалов мы прежде всего обратились в Пушкинский Дом при Российской Академии Наук, в данном случае — в первоклассную и исключительную сокровищницу. Мы встретили сочувственное отношение к нашим задачам, как со стороны Отделения Русского языка и словесности Академии, в ведении которого Пушкинский Дом находится, так и со стороны сотрудников Пушкинского Дома. Первое дало нам разрешение на использование материалов Пушкинского Дома в целях публикации, вторые любезно согласились взять на себя обработку, приготовление материалов к печати, снабжение публикуемых текстов пояснительными статьями и заметками. Подбор материала, общую редакцию и наблюдение за печатанием согласились принять на себя Б. Л. Модзалевский и И. А. Кубасов.

Издательство „АТЕНЕЙ“.

С. Т. АКСАКОВ.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО К СЕСТРЕ.

Среди рукописных собраний Пушкинского Дома находится обширный архив семьи Ма́ркович[1]). Собственно к Ма́рковичам относится немногое; но жена одного из них, Андрея Николаевича, Любовь Григорьевна, была рожденная Карташевская, а Карташевские были близки Аксаковым: Надежда Тимофеевна Карташевская, мать названной Любови Григорьевны, — родная сестра Сергею Тимофеевичу Аксакову. Этих двух семей касается бо́льшая часть документов архива и, конечно, особый интерес представляет семейство Аксаковых. Въ нескольких тысячах писем проходит перед нами семейная хроника второго и третьего поколений этого рода, богатого талантливыми и яркими лицами, с 30-х годов XIX века по 60-е и позже. Здесь ранняя переписка Константина Сергеевича Аксакова со своей двоюродной сестрой Марией Григорьевной Карташевской (1836—1837 годов) — неудавшийся роман, наложивший отпечаток на всю последующую его жизнь[2]) и ярко рисующий личность мечтательного, романтически настроенного юноши; переписка Сергея Тимофеевича и его жены Ольги Семеновны с семейством Карташевских и со

---

[1]) Или Ма́ркевич, — Николая Андреевича (1804 — 1860), — этнографа, поэта, историка Малороссии его сына Андрея Николаевича (1830—1907)—сенатора, председателя Человеколюбивого Общества и их близких.

[2]) Некоторые данныя о нем в „Письмах К. С. Аксакова к родным изза границы", под ред. Г. М. Князева („Космополис" 1898 г., № 1—4) и в книге С. А. Венгерова „К. С. Аксаков", С.-Пб. 1912.

своими детьми; ряд отдельных писем Константина, Ивана, Григория Сергеевичей и их сестер; наконец, обширная переписка замечательнейшей из сестер Аксаковых — Веры Сергеевны [1]) с той же Марией Григорьевной Карташевской; переписка тянется с 1836 по 1864 год — год смерти Веры Сергеевны; в ней, день за днем (письма пишутся каждую неделю, иногда и чаще) отмечаются все события не только семейной жизни Аксаковых, но и литературной и общественной жизни Москвы и Петербурга; мелькают имена Пушкина, Гоголя, многих поэтов, литераторов, ученых и артистов [2]), всех друзей и всех противников славянофилов — Гоголя особенно часто; в спорах двух кузин (М. Г. Карташевская гораздо ближе к западникам), в полемике, тянущейся часто через много писем, отражается развитие обеих доктрин — вся жаркая распря 40-х годов. Вся эпоха, с ее волнениями, мыслями и стремлениями, вся жизнь культурнейшего круга Москвы, вся жизнь и крепкого, сплоченного, старо-дворянского и старо-культурного Аксаковского семейства с ея особым ароматом и напряженной духовностью — воссоздаются для нас со страниц этих писем — драгоценного источника для историка русской культуры, а отчасти и литературы.

Из этого архива мы выбираем одно письмо, относящееся к очень раннему времени: письмо Сергея Тимофеевича Аксакова к „Нагѣ“, т. е. его сестре Надежде Тимофеевне [3]). Это — „моя милая сестрица“ из „Детских годов Багрова-внука“ и ранних „Воспоминаний“, „Надеждинька“, „Надина“ „Воспоминаний“ более поздних, „Наташа“ — героиня неоконченной повести С. Т. Аксакова того же названия, где описано ее первое

---

[1]) Дневник ее за 1854—1855 годы, высоко-интересный и содержательный, напечатан в „Минувших Годах“ 1908 г., № 8 и 12, и отдельно, под редакцией князя Н. В. Голицына.

[2]) Выдержки из этих писем о Виардо и ее успехах в Петербурге в 184 г. см. в заметке Б. Л. Модзалевского в ж. „Бирюч“, 1918 г., № 2, стр. 45 — 47.

[3]) Родилась 19-го мая 1794 года, умерла 5-го августа 1887, т. е. была тремя годами моложе Сергея Тимофеевича и пережила не только его, но и его обоих старших сыновей; с 1811 г. в замужестве за Мосоловым, Вятским горнозаводчиком, по смерти его (окт. 1815 г.) вышла замуж вторично за Григория Ивановича Карташевского (р. 18-го сентября 1777 г., ум. 12-го августа 1840), воспитателя Сергея Тимофеевича в Казанской Гимназии, профессора Казанского Университета, впоследствии — Директора Департамента Духовных дел, Попечителя Белорусского Учебного Округа и сенатора.

сватовство[1]). Аксаков всегда нежно любил свою сестру и писал ей часто коротенькие, но ласковые письма. Однако, более поздние письма не представляют интереса. Это же письмо — первое, дошедшее до нас, стоящее особняком в переписке, отражает самый ранний период деятельности Сергея Тимофеевича, и дает некоторые характерные для него черты. Дадим сначала его текст.

[23-го июля 1810 г. Петербург].

Изъ проклятова Петербурга, въ блаженное Аксаково.

Любезная сестра и другъ мой Нага!

Наконецъ Евгенія Григорьевна ѣдитъ и оставляетъ насъ одинокими; съ ними уѣзжаетъ послѣднее наше удовольствіе, не съ кѣмъ уже будетъ поговорить о васъ; когда я бывалъ у нихъ, то мнѣ казалось, что я не такъ далеко отъ Аксакова. — Благодарю тебя, милая, за письмо, которое я получилъ съ деньгами, и на которое еще не отвѣчалъ тебѣ. — Спасибо за увѣдомленіе объ *Вояжѣ*, только не спасибо за то, что ты заставила меня, рускаго человѣка рытся въ лексиконѣ, и искать *voyage*, насилу добился я, что ето значитъ путешествіе. Сдѣлай милость, пиши такъ чтобъ и руской могъ понимать тебя, спасибо за исполненіе моей прозьбы; сіе меня обрадовало чрезмѣрно; гораздо болѣе нежели 1200 р. А почтенный мой Розингъ сошелъ было съ ума отъ радости, положилъ свои рѣдкости на столъ и цѣлую ночь не могъ уснуть. — Жажду имѣть отъ васъ письма съ сѣрныхъ водъ, но къ нещастію еще ни одного не имѣю; что то они сдѣлаютъ пользы маминькѣ и тебѣ? Дай Боже, чтобы они помогли вамъ.

Вчера было 22-ое іюля, а праздника въ Петерговѣ никакого, ибо тамъ живетъ Екатерина Павловна съ своимъ Супругомъ; она беременна. — Младшая Государыня уѣхала въ Курляндію на цѣлительныя воды, и думаютъ что скоро должна будетъ воротится. — Посуди мой другъ какого ето для всѣхъ, кромѣ меня, лишится такого праздника; ты мой другъ пишешъ, что въ деревнѣ скучно гулять, я удивляюсь сему, можно ли предпочесть наши каменныя и кирпичныя тротуары, мягкой землѣ травою,

---

[1]) Полное собрание сочинений С. Т. Аксакова, С.-Пб. 1886, томъ III, стр. 1—49.

одѣтой и испещренной цвѣтами; наши унылыя сады, въ коихъ каждый листочекъ обремененъ пылію и каждое дерево, подобно невольнику, насильно утверждено попорядку, вашимъ веселымъ разнообразнымъ рощамъ, въ коихъ свобода и радость царствуетъ и кои насадила благотворная природа, какъ нѣжнолюбящая мать, а не искуство, холодный дядька ихъ. — Куда не обращу взоры мои, вездѣ неволя! — Здѣсь каменныя громады заслоняютъ мнѣ благодѣтельное солнце; тамъ текутъ мутныя воды, заключенныя въ каменныхъ ящикахъ; нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы проклятыя люди не исказили природы; а нашъ воздухъ, ядъ, который мы глотаемъ, наполненный нечистотою, сыростію и вредными испареніями, ужели возможно предпочесть чистому, здоровому и освѣжающему нектару Деревни! —

Анна Ивановна опять я думаю будетъ на меня гнѣватся, ибо я у нихъ уже двѣ недѣли не былъ; покупки къ вамъ отправилъ я водою, и вамъ съ Аннушкою посылаю въ подарокъ по гребенкѣ. Скажу тебѣ о моемъ занятіи. Донъ Карлосъ переведенъ и черезъ годъ будетъ напечатанъ; я свою часть подарилъ Казначѣеву, ибо онъ желаетъ посвятить сію трагедію дядѣ-благодѣтелю своему; а я хочу сдѣлаться рускимъ Мольеромъ и перевожу его комедію — *Школа мужей.* Перевожу — Стихами. — О театрѣ утѣшительныхъ новостей никакихъ нѣтъ, недавно явился новый Актеръ Г. Лазовъ, игралъ сына любви еще что то, но весьма плохо; а Шушеринъ къ моему удовольствію до зимы непоѣдитъ въ Москву; ты меня мой другъ весьма опечалила написавъ, что вы раздумываете ѣхать въ Москву; желаю отъ всего сердца, чтобъ сего не сбылось; кажется столько есть побудительныхъ причинъ, что нельзя отмѣнить сего. Прилагаю при семъ Милостивая Государыня отчетъ въ вашихъ денгахъ, также прошу извинить меня, есть ли мои покупки не покажутся вамъ; я невѣжа въ таковыхъ дѣлахъ и сіе ставлю себѣ въ защиту; прости, мой другъ, обнимаю тебя и цѣлую твои ручки. Прости!

вѣчно другъ твой и братъ
С. Аксаковъ.

*

Все характерно в этом письме: и четвертка толстой, сероватой бумаги с оборванными краями, на которой оно написано; и почерк, очень правильный, со старинными начертаниями некоторых букв, непохожий на почерк Сергея Тимофеевича в позднейшие годы; своеобразное, архаическое правописание, сливаю-

щее в одно многие слова[1]); надпись в заголовке — искреннее выражение чувства 19-летнего юноши, еще живо связанного со своим милым Аксаковым, еще не обратившегося в городского жителя по преимуществу, каким он стал позже, с конца 1820-х годов; несколько комическое, нарочито-преувеличенное возмущение иностранным словом, употребленным его сестрою, нарочитое непонимание его, столь естественное, даже необходимое в устах „славяно-росса“, последователя теории „Рассуждения о старом и новом слоге“ и близкого почитателя его автора; и сентиментальное восхваление природы, которую „искажают проклятые люди“: видно, мысли Руссо и Карамзинской школы не остались без влияния на этого классика-старовера, заклятого врага Карамзина и литературного сентиментализма; и тяжелый, напыщенный, полный архаизмов стиль, которым написано это — несомненно, очень искреннее и непосредственное — лирическое описание природы, стиль, такой далекий от языка, каким те же самые чувства выражены в „Семейной Хронике“, но казавшийся ему тогда необходимым; наконец — мелкие театральные интересы, заполнявшие тогда жизнь молодого Аксакова, и его первые литературные опыты — все, относящееся к эпохе первого пребывания С. Т. Аксакова в Петербурге, в 1808—1812 годах, когда он жил там один, служа в Комиссии Составления Законов, — эпохе, так полно отразившейся в его „Воспоминаниях“, помещенных в III и IV томах Собрания сочинений[2]) — о Шушерине и Шишкове, о Мартинистах, о Державине. Эти литературные и театральные воспоминания и должны служить комментарием к нашему письму.

Оно не датировано, но время его написания определяется вполне точно. Великая княгиня Екатерина Павловна[3]) лето

---

[1]) Последнюю особенность мы не сохраняем в печати, чтобы не затруднять читателя; в остальном орфография и пунктуация Аксакова полностью сохранены.

[2]) Издания 1886 года.

[3]) Род. 10-го мая 1788, ум. 28-го декабря 1818 г.; с 1809 года была в замужестве с Принцом Георгием Ольденбургским (ум. 15-го декабря 1812 года), генерал-губернатором Тверским, Ярославским и Новгородским; во втором браке (с 1816 года) за королем Виртембергским. Известна своею высокою образованностью, деятельною помощью во время войны 1812 года, а более всего — дружбою с Карамзиным, который часто бывал у нее в Твери, по ее вызову написал „Записку о древней и новой России“ и в ее дворце читал записку Александру I. См. о ней И. Н. Божерянова „Екатерина Павловна, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская“ биографический очерк, С.-Пб. 1888.

1810 года проводила в Петербурге, ожидая рождения своего первого ребенка; 18-го августа у нее и родился здесь сын, Принц Фридрих-Павел-Александр [1]). Другое указание—предполагаемый и отложенный отъезд артиста Шушерина. Яков Емельянович Шушерин[2]) переехал в Москву, выйдя в отставку с Петербургской придворной сцены, летом 1811 года и 22-го сентября выступил там в роли Эдипа. Сергей Тимофеевич оставил подробные и живые воспоминания о знакомстве и дружбе с Шушериным, о том благоговении, которое чувствовал молодой театрал к старому, очень известному трагику [3]); отъезд его не мог не волновать Аксакова. Что касается до другого актера, Лазова — мы не нашли о нем никаких сведений, и воспоминания Аксакова также ничего не говорят; повидимому, это очень незначительная величина, но для Аксакова и мелкие события театральной хроники имели значение [4]).

Таким образом, год написания письма определяется точно: 1810-й; месяц и число извлекаются из самого текста.

Письмо говорит о лицах и событиях личной жизни автора, с одной стороны, и о его литературных работах — с другой. Первые не все раскрываются: мы не знаем, кто такие Евгения Григорьевна и Розинг, знакомые Аксакова в Петербурге. Аннушка, — которой он посылает в подарок гребенку, — младшая сестра, Анна Тимофеевна, впоследствии бывшая замужем за Воейковым. Упоминаемая в письме, как хорошая знакомая, Анна Ивановна — конечно, Романовская, в очерке „Встреча с мартинистами“ [5]), выведенная под именем „Рубановской“, так же, как и ее муж. Аксаков часто бывал у Романовских и здесь встречался с А. Ф. Лабзиным и другими видными мартинистами, — встречался, оставаясь тем не менее всегда далеким от их учений. Для приурочения письма к определенной эпохе можно иметь в виду также и то, что та поездка на „серные воды“ матери и сестры, о которой он пишет, должна быть как раз тою

---

[1]) Умер 4-го ноября 1829 г. См. И. Божерянов, назв. соч., стр. 34—35.

[2]) Род. 1753, умер 8-го августа 1813, замечателен простотою и естественностью, с которой исполнял трагические роли классического репертуара.

[3]) Собрание сочинений, С.-Пб. 1886, т. III, стр. 63—125, т. IV, стр. 1—25 и в др. местах.

[4]) „Сын любви“, в котором выступал Лазов, драма в 5-ти действиях Авг. Коцебу (Das Kind der Liebe, 1788), переведенная и изданная по-русски трижды: в 1795, 1801 и 1816 годах (Смирдин, Роспись, № 7608).

[5]) Полное собрание сочинений, изд. 1886 года, т. III, стр. 128—171.

поездкой, которая описана в повести „Наташа“; во время пребывания на минеральных водах и произошла первая встреча Надежды Тимофеевны (Наташи) со своим будущим мужем Мосоловым (Солобуевым), а произошла она, как можно думать, сопоставив данные, в 1810 году; год спустя, после отказа другому претенденту, также выведенному в повести, состоялась их свадьба.

Большую роль в жизни Аксакова в то время играл Александр Иванович Казначеев[1]). Имя его постоянно встречается в воспоминаниях, собранных в III томе сочинений, как имя ближайшего, самого задушевного друга Сергея Тимофеевича. Знакомство с ним имело еще и другое значение: Казначеев, племянник адмирала А. С. Шишкова, ввел Аксакова в дом своего дяди и дал возможность ему, восторгавшемуся с гимназических лет сочинениями и теориями главы „славянофилов“, сблизиться с ним лично, стать усердным посетителем его дома и верным последователем старого адмирала. Казначееву посвятил Аксаков одно из немногих своих стихотворений[2]). Из письма же видно, что они, повидимому, вместе переводили трагедию Шиллера „Дон Карлос“, и Аксаков уступил Казначееву свою часть, чтобы он мог посвятить перевод Шишкову. Сообщение это очень интересно. Казначеев, сделавший военную и чиновничью карьеру, не был вовсе известен, как поэт и переводчик, а биографы Аксакова ничего не говорят об этом труде его. „Дон Карлос“ не был, повидимому, напечатан — его нет ни в одном библиографическом указателе того времени, ни в литературе об Аксакове; не говорится о нем и в его „Воспоминаниях“. Замечательно то, что, будучи ярым классиком, поборником классической трагедии, — Аксаков взялся за перевод такого вполне романтического произведения; нет сомнения, что,

---

[1]) Род. 7 ноября 1788, ум. 20 июля 1880 г. С 1807 г. служил в канцелярии Попечителя С.-Петербургского Учебного Округа, в 1812 году поступил в армию, отличился на войне; позднее служил при Новороссийском генерал-губернаторе, во время пребывания в Одессе Пушкина; был губернатором в Феодосии и, наконец, сенатором. Аксаков и другие лица, писавшие о нем, отмечают его высокую честность и благородство, прямоту и чистоту души; Аксаков называет его „белым голубем“ (см. Воспоминания в III томе сочинений Аксакова — преимущественно „Воспоминания об А. С. Шишкове“, стр. 172—220; „Архив Раевских“, т. II, стр. 230 и сл., — очерк Б. Л. Модзалевского).

[2]) „Послание А. И. Казначееву“ (Собрание сочинений, изд. 1886 года, т. IV, стр. 161), написанное в сентябре 1814 года.

если только перевод исполнен был стихами, то — стихами александрийскими, как того требовал классический канон. Образец такого перевода мы имеем в трагедии „Филоктет", переведенной годом или двумя позже [1]); а зная язык и стиль этого произведения, мы можем думать, что вряд ли „Дон Карлос" удался переводчику и хорошо передавал Шиллера; замечателен факт перевода сам по себе; еще замечательнее — посвящение Шиллеровой трагедии Шишкову.

В письме же упоминается о желании Аксакова „сделаться русским Мольером" и о переводе стихами комедии „Школа мужей". Кроме этой комедии, он перевел из Мольера „Скупого" — прозой и уже значительно позже. „Школа мужей" при жизни его не была напечатана и впервые появилась лишь в издании 1886 года [2]). Но она ставилась на петербургской сцене через восемь лет после перевода: первое представление, как это помечено на театральном переписанном экземпляре, состоялось 13-го мая 1819 года. На этом основании С. А. Венгеров в „Критико-биографическом словаре" [3]) поместил ее под 1819 годом. На самом же деле ее нужно отнести к самой ранней поре деятельности Аксакова — незадолго до „Филоктета". „Русским Мольером" Аксаков не стал, да и не мог им стать, не обладая талантом драматурга. Через сорок слишним лет, освободившись от пут шишковской школы, отойдя от мелких интересов театра, попав на новую дорогу, указанную ему другим уже, младшим поколением, он нашел самого себя в обширной эпопее старого быта — в „Семейной Хронике" и в „Детских годах Багрова-внука".

Н. Измайлов.

---

[1]) Сочинения, изд. 1886 г., том IV, стр. 205—248; трагедия напечатана в 1816 году, но переведена для бенефиса Шушерина, не состоявшегося из-за войны с французами, т. е. не позднее лета 1812 года.

[2]) Там же, стр. 249—307.

[3]) Том I, С.-Пб. 1889, стр. 176.

ПУШКИН.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПИСЬМО ЛИЦЕЙСКОЙ ПОРЫ С. С. ФРОЛОВУ.

4 Апрѣля 1817 года.

Чувствую, что виноватъ передъ вами почтенный Степанъ Степановичь — обѣщался быть секретаремъ для отправленія писемъ къ вамъ, а до сихъ поръ еще ни слова несказалъ путнаго. Да и теперь будетъ тоже. — Экзаменъ не за горами — а до сихъ [поръ] были всѣ въ Петербургѣ на праздникѣ; я незабылъ, что зывали вы меня за мои частыя пословицы *Санчо-Пансо*, чтожъ худаго-то, понабрался ихъ, а онѣ и пригодятся — *малъ золотникъ да дорогъ* — также заключите и о письмѣ съ почтеніемъ пребывающаго къ вамъ

Ивана Малиновскаго.

Посмотримъ кто изъ насъ: вы ли почтеннѣйшій, Степанъ Степановичъ, пріѣдете въ Царское или я прискачу къ вамъ въ Лонку. Желаю впрочемъ чтобъ вы первый посѣтили насъ и увидѣли исполненіе желанія вашего. Каковы ваши труды? Подъ надзоромъ добраго хозяина думаю я вся Лонка разцвѣла; — какъ весело! — Будьте здаровы и незабудьте вашего

Есакова.

Вспомните и обо мнѣ, почтеннѣйшій Степанъ Степановичь! намъ же все напоминаетъ васъ; мы встрѣтили и провели праздники, но — безъ васъ, и теперь опять по прежнему начинаемъ бродить по саду, но васъ уже нѣтъ: возвратитесь скорѣе, Цар-

ское село не хуже Лонки, и здѣсь вы будете между Рускими, между тѣми, которые знаютъ васъ и любятъ столько, сколько любить можно добрѣйшаго наставника. Позвольте увѣрить васъ въ чувствахъ глубокаго почтенія и преданности вашего покорнѣйшаго слуги

Владиміра Вольховскаго.

Незабывайте его, незабывайте насъ.

Съ брата по строчкѣ, выдетъ цѣлое письмо — Съ какимъ удовольствіемъ приписываю я къ другимъ и моихъ *два* слова — Христосъ воскресе! Степанъ Степановичъ! почтеннѣйшій начальникъ! Съ праздниками поздравляемъ васъ.

Алексѣй Илличевскій.

Позвольте и мнѣ написать вамъ нѣсколько словъ, Почтеннѣйшій Степанъ Степановичь! Извините, что до сихъ поръ сего не сдѣлалъ; но право времени ни минуты не имѣлъ свободной. Праздники провелъ я въ Петербургѣ — и теперь опять въ кругу милыхъ моихъ товарищей — но все не то: васъ не нахожу — *Козырь вскрылся — нырнулъ въ лонку* — а насъ военныхъ покинулъ. Худо Степанъ Степановичь — но ужъ такъ и быть все прощу вамъ — если только вы незабудете любящаго и почитающаго васъ друга.

Иванъ Пущинъ.

Маславъ много, много вамъ кланяется.

И я, любезнѣйшій Степанъ Степановичъ, свидѣтельствую вамъ почтеніе, христосуюсь съ вами и очень желаю васъ опять увидѣть. Остаюсь всегда желающимъ вамъ здоровья и щастія

Б. Дельвигъ.

Почтеннѣйшій Степанъ Степановичь

Извините ежели старинный приятель пишетъ вамъ только двѣ строчки съ половиной — въ будущую почту напишетъ онъ двѣ страницы ½.

Егаза Пушкинъ.

— Finis coronat opus — Biscup.—

*

Коллективное письмо друзей-лицеистов вводит нас на краткий миг в интимную среду Лицейской жизни накануне выпуска

I курса; оно писано на Фоминой неделе 1817 года, когда лицеисты, встретив 25 марта Пасху в семейном кругу, снова съехались в Царское-Село и уже начинали готовиться к выпускным экзаменам. Письмо адресовано к Степану Степановичу Фролову и своим тоном — почтительно дружественным и добродушным — мало отвечает тому представлению об этом лице, которое утвердилось в Пушкинской литературе со слов одного из товарищей Пушкина — барона М. Корфа [1]); слова, эти как будто подтверждались одною из лицейских „Национальных песен“ [2]), каррикатурою в № 4 „Лицейского Мудреца“ [3]), а также известным эпизодом с Малиновским, Пущиным и Пушкиным, когда они, задумав и осуществив на деле маленькую пирушку (в октябре 1814 г.), были затем уличены, и Фролов придал делу формальный ход, в результате чего виновные были приговорены к нескольким взысканиям, которые могли печально отразиться на их будущности; известны по этому поводу рапорт Фролова [4]), рассказ И. И. Пущина [5]) и стихотворение Пушкина „Воспоминание“, в котором юный поэт рассказывает, как „в отрадной тишине“ они „топили горе“ „в чистом, пенистом вине“, и как веселое сборище было внезапно прервано:

Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали —
И бутылки вмигъ разбиты
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду на полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо...
Вмигъ исчезъ минутный страхъ:
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья,
Сладкій Вакха заговор и т. д.

---

[1]) Я. Грот, Пушкин, стр. 239 — 242.

[2]) К. Грот, Пушкинский Лицей, стр. 234—237 и Н. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина, т. II, стр. 30—31.

[3]) К. Грот, Пушкинский Лицей, стр. 303.

[4]) И. Шляпкин, Из неизданных бумаг Пушкина, стр. 336.

[5]) Л. Майков, Пушкин, стр. 57—60.

Отставной подполковник артиллерии Степан Степанович Фролов, человек уже пожилой (во время определения на службу в Лицей ему было 49 лет), хотя и получил систематическое воспитание (во 2 Кадетском Корпусе), был человек настолько малообразованный, что, по словам Корфа, „в жизни ничего не читал" и воображал, „по сходству звуков, что Эмиль Руссо—женщина". В Лицей он попал после того, что занимал должность Минского Уездного Предводителя Дворянства и Дисненского поветового маршала; по словам Корфа, он ранее служил при одном из Кадетских корпусов, „какими то судьбами сделался известен графу Аракчееву и, по мощному его слову, без малейших с своей стороны прав и предшествий", был определен в Лицей „надзирателем по учебной и нравственной части". Из истории Лицея известно, что после смерти, 23-го марта 1814 г., первого Директора Лицея Василия Федоровича Малиновского, место его почти два года оставалось незамещенным, и исправление его должности переходило к нескольким лицам, — сначала к проф. Кошанскому, а когда он заболел,— к Конференции; это повело к расстройству дел в Лицее, так как профессора, занятые прямыми своими обязанностями, не могли достаточно внимательно наблюдать за воспитанниками; открылись беспорядки, гувернеры не исполняли своего дела, и среди юношей показалась распущенность; между самими членами временного управления произошли неудовольствия, часть экономическая пришла в беспорядок; тогда то Министр Народного Просвещения граф Разумовский возложил, 13-го сентября 1814 г., обязанности Директора на проф. Гауеншильда, а ближайший надзор за гувернерами и воспитанниками вверил тогда же приглашенному Фролову. Фролов был фактически Директором Лицея, и не прошло месяца со времени его вступления в должность, как он уже накрыл, как мы видели выше из приведенных стихов Пушкина, троих своих питомцев в недозволенном и тайном служении Вакху... Вышеупомянутая „Национальная песнь" на Фролова, пространная и довольно таки грубая и резкая, свидетельствует, что Фролова мало любили и мало уважали. Приводить ее целиком не стóит, так как она слаба по композиции, но содержание ее ценно своею недвусмысленною определенностью отношений к Фролову; последний упоминается еще в эпиграмме Пушкина „Портрет", относящейся к лицейскому периоду, и в одной из эпиграмм [1]) недавно обследованного Н. В.

[1]) Сборник Пушкинского Дома на 1923 г., стр. 65.

Измайловым рукописного сборника стихотворений лицеистов, принадлежащего Пушкинскому Дому.—Когда Директором Лицея был назначен известный Е. А. Энгельгардт (27-го января 1816 г.), Фролов был определен Инспектором; однако, новый Директор, прекрасный педагог, вероятно, вскоре же оценил ближайшего своего сотрудника по достоинству,— и Фролов уже через год уволился из Лицея [1]). „С претензиями на ум, на познания, с надутою фигурою, не имея никакого достоинства и ни малейшего характера, притом отчаянный игрок, этот Фролов", говорит Корф, „был одним из самых типических лиц в пошлом сборище наших менторов. Переделав постепенно его грубую, но слабую солдатскую натуру на наш лад, возвысив его, так сказать, до себя,— ибо, когда он обтерся немного в нашем обществе, то не мог не почувствовать, что каждый из нас и умнее его, и более его знает,— мы обратили его в совершенное посмешище и издевались над ним открыто, ему самому в лицо" [2]).

Письмо к Фролову его питомцев, как мы сказали, не подтверждает приведенного беспощадного свидетельства Корфа. Может быть, этот отзыв по существу несправедлив, но может быть и то, что или добрые и воспитанные юноши в своем коллективном послании к Инспектору были просто мало искренни и намеренно черезчур снисходительны к нему, или, под конец пребывания своего в школе, изменили свое отношение к Фролову, который и сам к этому времени, как о том свидетельствует Корф, сумел измениться к лучшему.

Всех воспитанников в I выпуске Лицея было 29 человек, но в письме к Фролову приняли участие только 8 из них; из наиболее известных членов лицейской семьи Горчаков, Кюхельбекер, Корф, Матюшкин, Яковлев, не пожелали подать свой голос Фролову, уехавшему тогда в имение Лонки (Смоленской — или Минской — губернии) [3]); за то приветствовали Фролова — Иван Васильевич Малиновский (сын первого Директора Лицея), Семен Семенович Есàков, в 1831 г. убитый под Варшавой, Иван Иванович Пущин, — впоследствии декабрист, автор замечательных воспоминаний о Пушкине; Владимир Дмитриевич Вольховский,

---

[1]) И. Селезнев, Исторический очерк Лицея, стр. 159.

[2]) Я. Грот, Пушкин, изд. 1899, стр. 239—240.

[3]) Оно упоминается в „Национальной песне" (К. Грот, Пушкинский Лицей, стр. 236, прим. 9) и в эпиграмме, опубликованной Н. В. Измайловым в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 год", С.-Пб. 1923, стр. 65, 73.

окончивший курс с первою золотою медалью, затем замешанный в дело декабристов и долго служивший на Кавказе; Алексей Демьянович Илличевский,— один из лицейских поэтов; барон Антон Антонович Дельвиг, ближайший и любимейший друг Пушкина,— наконец сам он, „егоза Пушкин", привлеченный к участию в письме, повидимому, не без усилий (он сделал свою приписку предпоследним из всех участников письма);... Живость характера и быстрота движений была одною из отличительных черт Пушкина и сохранялась им долго. Известная актриса А. М. Колосова (Каратыгина) в воспоминаниях своих о знакомстве с Пушкиным в 1817 г., вскоре после выпуска из Лицея, рассказывает о нем: „Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе „Саша Пушкин", бывая у нас, смешил своею резвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте: вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гарусу в моем вышиваньи; разбросает карты в гран-пасьянсе, раскладываемом матушкою... „Да уймешься-ли ты, стрекоза!" крикнет, бывало, моя Евгения Ивановна — „перестань, наконец!" Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать... Это был сущий ребенок, но истинно благовоспитанный, enfant de bonne maison" [1]). Данное себе Пушкиным определение—„егоза",— конечно, очень ценно и любопытно, лишний раз подчеркивая непоседливость или, по определению его няни, неуимчивость Пушкина. „Егоза" отделался лишь несколькими ничего не говорящими строками, посулив в будущем длинное письмо; но можно с уверенностью сказать, что обещания своего Пушкин не исполнил: вскоре начались у него экзамены, а 9-го июня он уже был выпущен из Лицея, написав ближайшим друзьям своим прощальные стихи и обратившись ко всем товарищам с известным посланием:

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ юныхъ думъ...

[1]) „Русск. Стар." 1880 г., № 7, стр. 568.

В заключение отметим еще, что новые строки Пушкина в хронологии переписки поэта займут *четвертое* место: самое ранее из известных его писем — к И. И. Мартынову — относится к 28-му ноября 1815 года, затем существуют письма: к князю Вяземскому — от 27-го марта 1816 г. и к дяде, В. Л. Пушкину, от первой половины января 1817 г.; будем благодарны судьбе, что она сохранила для нас [1]) еще несколько юношеских строк великого поэта и не будем смущаться их малозначительностью, лишний раз вспоминая, что̀ писал сам Пушкин по поводу издания новых писем Вольтера: „Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства", говоритъ онъ: „Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были ничто иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записка къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, — тѣмъ же самымъ почеркомъ и, быть можетъ, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, — предметъ нашихъ изученій и восторговъ".

Б. Модзалевский.

---

[1]) Письмо нашлось в небольшом собрании бумаг павшего в 1914 г. на войне юного князя Олега Константиновича, с любовью отдававшегося занятиям Пушкиным и в 1911 г. издавшего ценный сборник — альбом снимков с автографов поэта, принадлежавших Лицею (в коем покойный воспитывался). Бумаги Олега Константиновича и его библиотека переданы в Пушкинский Дом Академией Истории Материальной Культуры.

М. В. МИЛОНОВ.

Неизданное стихотвореніе.

МОЕМУ ПОЧТЕННОМУ ДЯДЮШКѢ,

въ день его Ангела по пріѣздѣ моемъ въ Дубки 1817 Февр. 12.

Когда жестокій жребій мой
Судилъ мнѣ горесть знать въ моемъ цвѣтущемъ лѣтѣ,
И не терявъ отца на свѣтѣ,
Скитаться въ мірѣ семъ бездомнымъ сиротой,
То встрѣтившись съ тобой, — о благость Провидѣнья!
Нещастье лишь ведетъ къ познанію людей, —
Я все забылъ среди сердечнаго бїенья
И слезъ, изторгнутыхъ свиданьемъ изъ очей!
Пусть будетъ на всегда съ тобой сей добрый Геній,
Который въ этотъ мигъ меня къ тебѣ привлекъ.
Судьба насъ здѣсь ведетъ средь мрака и сомнѣній,
Которыхъ проницать не можетъ человѣкъ!
Но чувство въ насъ добра — вотъ то, что насъ связуетъ!
Вотъ цѣль священная, для коей должно жить;
Богъ знаетъ лучше насъ, когда насъ испытуетъ,
Но щастливъ, кто возмогъ страдальца подкрѣпить!
Я чувствомъ симъ въ тебѣ бывъ къ радости свидѣтель,
Не только узами связуяся родства,
Молю, что бъ могъ съ тобой я благость Божества —
Быть *по душѣ* роднымъ, мой Дядя — благодѣтель!

Милоновъ.

Под этим стихотворением имеется следующая приписка дяди М. В. Милонова, сделанная после смерти поэта:

Любезный мой племянникъ Михайла Васильевичъ Милоновъ въ послѣдній разъ заѣзжалъ ко мнѣ изъ Задонска въ С. Питербургъ 1820-го года въ октябрѣ мѣсяцѣ, а 1821-го года октября 17-го дня 33-хъ лѣтъ своего возраста скончался въ С.-Петербургѣ.

Алексѣй Бехтѣевъ.

Село Дубки.

В этой биографической справке дядя ошибся, указав на 33-х летний возраст, в коем скончался его племянник: Милонов умер еще моложе — на 29 году своей жизни (род. 1792 г.)[1]).

С 1815 года, когда Милонов уволился со службы в Комиссии для пособия жителям Москвы, пострадавшим от нашествия французов в 1812 г., до 1819 г., когда он определился в Провиантский Департамент, — он нигде не служил и приезжал временами из Задонска к дяде в Дубки.

Милонов, призванный к деятельности литературной, тяготился чиновничьей службой. Он жаждал жизни, свободной от пошлости и мелочных интересов, и мечтал о „совершенной независимости, свободе, покое, дружестве“ [2]). Разлад его мечтаний с действительностью породил в нем мрачный взгляд на жизнь, положил печать меланхолии на многие его поэтические творения, но зато выявил его талант изрядного сатирика[3]).

„Мой геній подавленъ подъ бременемъ утратъ“, так заканчивает Милонов „Посланіе“ къ другу своему И. М. Фовицкому (1818 г.). И ранее, в „Посланіи къ сестрѣ“ (1812 г.) он также сетует на то, что отрадные мечты его рассеяны грозным опытом, и вспоминает какую-то борьбу с бедами и судьбою. В приведенном нами поэтическом приветствии — „Моему почтенному Дядюшкѣ“ (1817 г.)[4]) тот же печальный мотив: жестокий жребий

---

[1]) См. некролог, составленный А. Е. Измайловым, в „Благонамѣренномъ“ 1821 г., №№ 17 и 18, а также статью М. Н. Лонгинова: Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Михаила Васильевича Милонова — „Русскій Архивъ“ 1864 г., № 3, стр. 1114—1122.

[2]) Ср. М. М[азаев]: М. В. Милоновъ. По поводу столѣтія со дня рожденія. — „Библіографъ“ 1893 г. Вып. I, стр. 102—104.

[3]) См. письма Милонова к А. Ѳ. и Н. Ѳ. Грамматиным — „Библіографическія Записки“, 1859 г., № 10.

[4]) Алексѣй Бехтѣевъ — помещик села Асизова, Задонского уезда Воронежской губернии. См. Іеромонахъ Геронтій. Описаніе Задонскаго Богородиц-

судил поэту узнать горести въ цветущей юности, судил ему скитаться бездомным сиротой. И только свидание с любимым дядей, который „возмог страдальца подкрепить", дало ему хоть раз почувствовать благость провиденья...

Милонов был высоко ценим друзьями, как поэт, и нежно любим, как человек. В сороковой день по его кончине (26-го ноября 1821 г.) они собрались для беседы в память умершего друга. Произнесли речи — А. М. Княжевич, О. М. Сомов, В. И. Панаев, А. Е. Измайлов [1]).

„Сочинения Милонова обличают большое поэтическое дарование", говорит М. Н. Лонгинов [2]). Милонов „принадлежал к литературной партии, действовавшей против Шишкова, по связям с Дашковым, Беницким и пр., но не был членом Арзамаса. По дружбе съ А. Е. Измайловым он, однако, принимал участие в бывшем под председательством Измайлова „Обществе Любителей Словесности, Наук и Художеств", которое не очень благоволило к нововведениям романтизма"...

Стихотворения Милонова печатались в „Утренней Заре", „С.-Пб. Вестнике", „Цветнике", „Вестнике Европы", „Благонамеренном" и других альманахах и повременных изданиях. Они собраны в неполном издании 1819 г. (С.-Пб): „Сатиры, послания и др. мелкия стихотворения Милонова" и перепечатаны Смирдиным (С.-Пб. 1849) в его „Полном Собрании Русских Авторов" в одной книжке с сочинениями Нахимова и Судовщикова. Отдельно изданы еще „Рѣчь и стихи, читанныя въ собраніи любителей отечественной словесности" (М. 1808) и „Ода на истребленіе Наполеоновскихъ армій въ Россіи" (С.-Пб. 1813).

Еще в 1864 г. М. Н. Лонгинов писал, что творения Милонова стоят полного и тщательного издания наряду с изданиями таких поэтов, как Боратынский и Козлов. Как элегик, Милонов является предшественником Боратынского и Козлова. Он стоит на переходе поэтических традиций от Муравьева, завершающего лирику XVIII в. до-Карамзинского периода, к Батюшкову и поэтам Пушкинской поры.

Б. Коплан.

каго монастыря, М. 1873, стр. 137—8. Стихотворение печатается по автографу, хранящемуся в Пушкинском Доме.

[1]) „Благонамѣренный" 1821 г., №№ 23 и 24.

[2]) См. вышеуказанную статью Лонгинова.

С. А. СОБОЛЕВСКИЙ.

ЮНОШЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Если внимательно всматриваться в первые десятилетия XIX века, то легко различить два их лика.

С одной стороны это была эпоха изящного флирта, изысканных любезностей, блистательной салонной болтовни, умной и живой, пересыпаной солью тонких и едких шуток, являвшихся прямым наследием XVIII века, такого жизнерадостного, раціоналистического и в значительной мере поверхностного; с другой стороны это была эпоха сентиментализма и романтизма с его неизбежными аттрибутами: отвергнутой любовью, разъединенной дружбой, одиночеством, тоской, рощей, соловьем, долиной, ручьем, ночью, ущельем, развалинами, хижиной и т. п. Отголосками того и другого являются экспромпты, эпиграммы, мадригалы, а также элегии, идиллии, послания, баллады, всевозможные, трогательные в своей наивности, рисунки и прочее, въ таком изобилии наполняющее альбомы того времени.

И когда перелистываешь все эти, по выражению Пушкина, „разрозненные томы из библиотеки чертей“, то ясно видишь, как неразрывно и прихотливо переплетались в душе тогдашних людей настроения столь различные и, казалось-бы, исключающие друг друга. А между тем нередко замечаешь одно и то же имя, одни и те же инициалы под самыми несовместимыми стихами и прозаическими отрывками. И порой начинает казаться, что автор то сам смеялся над своей чувствитель-

ностью, то снова невольно отдавался ее убаюкивающим, меланхолическим волнам...

* * *

Сейчас перед нами юношеские стихотворения Сергея Александровича Соболевского. Трудно представить что-либо менее вяжущееся между собою, чем Соболевский и стихи, проникнутые элегическим настроением.

В самом деле, уже одно имя этого человѣка, носящего высокое звание „друга Пушкина", сразу-же рождает представленіе о чем-то безудержно веселом, остроумном и немного рискованномъ... Таким рисуют нам его друзья и современники, таким является он нам и в доселе опубликованных своих произведеніях, часть которых даже и вовсе не поддается напечатанию по причинамъ чисто цензурного свойства [1]). Свою печатно-литературную деятельность этот „Mylord qu' importe" начал в 1824 году, поместив в „Дамском Журнале" многострадального князя Шаликова (ч. VII, № 17) шараду — акростих, в которой сам-же издатель был сравнен по уму с колодой. Доставалось от Соболевского немало и другим, как друзьям, так в особенности недругам. Попасть къ нему на язык было страшно, он это сознавал сам и широко пользовался этим страхом, нагоняемым на окружающих. Некоторых, как, например, пресловутого Филиппа Филипповича Вигеля, преследовал онъ особенно зло и яростно. Такие в свою очередь ненавидели его, ненавидели упорно, непрестанно и... трусливо. В своих „Воспоминаниях об А. С. Пушкине" Л. Н. Павлищев разсказывает [2]) о том, как, будучи уже больным стариком, Вигель, возмущенный тем одним, что при нем Ольга Сергеевна похвалила Соболевскаго, вскочил со стула и вскричал: „Madame, ne me parlez pas de cette obscénité de la tête aux pieds!"

И вот оказывается, что этот безудержный, страшный эпиграммист втайне писал самые что ни на есть чувствительные стихи. В своей статье „Сергей Александрович Соболевский" В. И. Саитов, ссылаясь на свидетельство П. И. Бартенева („Русский Архив" 1906 г., кн. II, стр. 126) говорит, что

---

[1]) Напр., известна рукопись недоконченного стихотворения под названием „С Пушкиным", изобилующего такими подробностями, что вряд-ли когда можно будет его опубликовать.

[2]) Изд. Москва. 1890 г., стр. 73.

„школьные стихотворения будущего эпиграммиста отличались задумчиво-нежным характером“ [1]). Но говорится это только вскользь, самые же юношеские стихи Соболевского, насколько нам известно, до сих пор въ печать не попали. Поэтому, считая далеко небезынтересным возможно более полное и всестороннее изучение такой, без сомнения, крупной личности, как Соболевский, мы и даем здесь три его стихотворения,—два оригинальных и одно переводное,—относящиеся к 1818, 1819 и 1820 гг., т. е. как раз ко второму, третьему и четвертому году пребывания его в Петербургском Благородном Пансионе при Главном Педагогическом Институте (где он был товарищем Льва Пушкина [2]).

Все три стихотворения далеко несовершенны и являются и по форме, и по содержанию перепевами тогдашних излюбленных поэтов. Поэтому-то мы и не даем никакого их разбора, а просто приводим текст. В примечании к „Алине“ мы даем для сравнения немецкий текст баллады Уланда, послужившей ей основой.

I

ПОСЛАНІЕ КЪ М — У.

Сизыми тучами
Всюду покрылися
Своды лазоревы.
Бурной метелицей
Къ небу возносится
Снѣгъ надъ вершинами
Хижинъ дымящихся.
Лѣто веселое,
Лѣто прекрасное,
Что улетѣло ты?
Радость, веселіе,
Съ нимъ понеслися вы!
Лишь вспоминаніемъ
Блага минувшаго

---

[1]) См. „Соболевскій другъ Пушкина“, С.-Пб. 1922 г., стр. 5.

[2]) Стихотворные опыты Л. С. Пушкина, тоже в элегическом тоне, см. в статье Б. Л. Модзалевского — „Пушк. и его соврем.“, вып. XVII — XVIII, стр. 5 — 7.

Въ часъ меланхоліи
Сладко питаюсь я.
Ахъ, пробужденіе
Тяжко прискорбно мнѣ!
[Все улыбалось мнѣ!]
Солнышко красное,
Трели соловушки,
Вѣтеръ, играющій
Въ листьяхъ березовыхъ,
Все миновалося!
Вѣтры въ ущеліяхъ
Воютъ порывисты!
Воютъ! и въ горести
Другъ твой покинулъ все;
Лира безмолвная
Мной забывается,
Осень угрюмая
Мчитъ ужъ въ изгнаніе
Игры и радости.
Скоро ли, скоро ли
Ты, вѣчно юное
Время весеннее,
Вновь возвращенное
Все оживишь!

Ноябрь 1818 г.

II

КЪ В — У.

Мѣсяцъ свѣтитъ надъ долиной,
Чуть журча бѣжитъ потокъ,
Лѣсъ почилъ, склонясь вершиной
На сребристый ручеекъ.

—

Другъ, съ тобой рука я въ руку
Побреду къ брегамъ ручья;
Скорую забывъ разлуку,
Пѣснь услышу соловья.

—

Онъ весну лишь воспѣваетъ.
Милой! можетъ быть она
Мнѣ для смерти расцвѣтаетъ,
Мнѣ послѣдняя весна.

—

Неужель при возвращеньи
Друга не узнаешь ты
И увидишь въ изумленьи
Лишь могильные цвѣты.

—

[Тамъ подъ тѣнію густою,
Въ четырехъ простыхъ доскахъ,
Дружбы орошенъ слезою,
Мой спокойный ляжетъ прахъ.

—

Посреди зеленой рощи
Сладко мертвому почить.
Другъ! приди-же въ часъ полнощи
Вздохомъ друга тамъ почтить.

—

Тѣнь моя тогда уныло
Съ щастьемъ неба — надъ тобой
Тихо встанетъ изъ могилы
И придетъ, о другъ, къ тебѣ.

—

И вздохнетъ и только взглянетъ
И махнетъ тебѣ рукой,
И луна сквозь лѣсъ проглянетъ...
Тѣни нѣтъ ужъ предъ тобой].

—

Можетъ быть тебя съ дороги
И въ кругу твоихъ друзей
Встрѣчу съ кубкомъ на порогѣ
Мирной хижины моей.

—

[Лишь отъ радости свиданья
Вспомнимъ о разлукѣ мы,
Какъ въ сердечномъ трепетаньи
Намъ „простите“ молвилъ ты].

—

Другъ, прости, зарей румяной
Освѣтился сводъ небесъ,
Полосой она багряной
Сквозь густой мелькаетъ лѣсъ.

—

Утромъ вѣетъ, всколебался
Раннихъ птицъ веселый рой
[Такъ прости] и въ дали уже раздался
Колокольчикъ почтовой.

—

[Часъ разлуки наступаетъ,
Всколебалися листы,
Грудь мою печаль стѣсняетъ.
Милой другъ, пора. Прости]...

Май. 1819 г.

III

АЛИНА, БАЛЛАДА

(Из Уланда).

Разъ знойной порою въ знакомый имъ домъ
Три друга взошли на дорогѣ,
И вотъ ужъ проходятъ широкимъ дворомъ,
Хозяйка стоитъ на порогѣ.

—

Дай пива, вина! Гдѣ красавица дочь?
Вотъ, юноши, пиво и вина.
А гдѣ же красавица? Въ прошлую ночь
На вѣки заснула Алина!

—

Подходятъ ко гробу; и саванъ ея
Отдернувъ, ей первый сказалъ:
Алина, теперь ты плѣнила бъ меня,
Когда бъ я тебя не знавалъ. —

—

Второй же взглянулъ и вздохнулъ и закрылъ
Покровомъ ликъ блѣдный Алины,
Примолвивъ печально: тебя я любилъ,
Алина, до самой кончины!

—

Невольно послѣдній изъ нихъ зарыдалъ,
Потомъ прошепталъ онъ уныло:
„Когда ты дышала, тобой я дышалъ
И буду дышать за могилой“ [1]).

(Окончено 10 іюня). С. 1820.

М. Беляев.

---

[1]) Приводимая баллада с трудом может быть признана переводом: это скорее вольный пересказ или даже вариация на тему баллады Уланда „Der Wirtin Töchterlein“. Имя Алины даже и не упоминается у Уланда, да и вообще обе баллады сильно разнятся друг от друга. В подлиннике „Der Wirtin Töchterlein“ читается так:

Es zogen drei Bursche wohl über den Rhein,
Bei einer Frau Wirtin, da kehrten sie ein:
„Frau Wirtin, hat sie gut Bier und Wein?
Wo hat sie ihr schönes Töchterlein?“ —
„Mein Bier und Wein ist frisch und klar,
Mein Töchterlein liegt auf der Totenbahr'“.
Und als sie traten zur Kammer hinein,
Da lag sie in einem schwarzen Schrein.
Der erste, der schlug den Schleier zurück
Und schaute sie an mit traurigem Blick:
„Ach, lebtest du noch, du schöne Maid!
Ich würde dich lieben von dieser Zeit“.
Der zweite deckte den Schleier zu
Und kehrte sich ab und weinte dazu;
„Ach, dass du liegst auf der Totenbahr'!
Ich hab' dich geliebet so manches Jahr“.
Der dritte hub ihn wieder sogleich
Und küsste sie an den Mund so bleich:
„Dich liebt' ich immer, dich lieb' ich noch heut'
Und werde dich lieben in Ewigkeit“.

(„Uhlands Werke“. Herausgegeben von Ludwig Fränkel. Erster Band, 151).

И. П. КОТЛЯРЕВСКИЙ.

ПИСЬМО К Н. И. ГНЕДИЧУ.

Милостивый Государь
Николай Ивановичъ!

Вмѣстѣ съ почтеннѣйшимъ письмомъ Вашимъ получилъ я и лестнѣйшій для меня отзывъ отъ общества. Ежели отрывки изъ продолженія Энеиды моей годятся для Соревнователя, то ихъ можно имѣть въ продолженіе цѣлаго года и болѣе. Я самъ чувствую, что есть много нескромности или вольности въ Энеидѣ; но сему причиною С.-Петербургская цензура, не удержавшая меня на первыхъ порахъ и пропустившая напечатать въ 4-хъ частяхъ довольно ощутительнѣйшую соль; впротчемъ нѣтъ кажется ничего открытаго, а предоставляется догадкѣ и толкамъ, что уже не моя бѣда. Прилагая при семъ еще отрывокъ изъ 5-й части, признаюсь предъ вами, что 5-я часть очень слаба и натянута. Въ ней случилась сухая матерія; которую надобно было чемъ нибудь размачивать; я, какъ кончилъ ее, то перекрестился. Что же касается до 6-й, то будетъ чемъ полюбоваться.

Я самъ согласенъ съ вашею мыслію, что ежели печатать Энеиду, то печатать всѣ 6 частей вмѣстѣ. Но какою бы суммою былъ я доволенъ, если бы книгопродавцы предложили мнѣ за напечатаніе въ ихъ пользу, сего рѣшительно сказать не могу. Признаюсь предъ вами, со всею откровенностію и чистосердечіемъ земляка, что, не бывши никогда въ здѣлкѣ съ книгопродавцами, не знаю, какъ съ ними выгоднѣе для себя поступить, а еще болѣе не знаю, какую цѣну Энеидѣ положить. Естли бъ я зналъ, что не

причиню вамъ безпокойства и обремененія, то усерднѣйше прошу васъ переговорить съ сими господами и узнать отъ нихъ, какою бы суммою *почтили* малоросс: Энеиду и на какихъ условіяхъ, и меня почтить вашимъ увѣдомленіемъ.

Я даже согласенъ уступить Энеиду во вѣчное и въ потомственное наслѣдіе того, кто захочетъ ее имѣть. Но срокъ на с⟨ем⟩ъ лѣтъ, длиннѣе кажется моего вѣка, и мнѣ не иначе можно по моимъ обстоятельствамъ согласиться, какъ на три или четыре года и то, когда кто пріобрѣтетъ Энеиду во вѣчность. Для меня въ особенности было бы пріятно и чувствительно, если бы вы были посредникомъ сбыть съ рукъ моихъ Энеиду; вы чрезъ сіе здѣлаетесь моимъ благотворителемъ, а я вашимъ пособіемъ вкусилъ бы плоды двадцатишестилѣтняго моего терпѣнія и посильныхъ трудовъ. Не откажитесь, если можно, одолжить меня вѣчно.

Есть у меня и пѣсеньки малороссійскія изъ сочиненной мною оперы „Полтавка", принятой довольно хорошо въ Полтавс., Черниговс. и Харьковской губерніяхъ. Ежели въ журналъ входятъ и пѣсни, то я могъ бы вамъ доставлять ихъ даже съ нотами для фортепіано; ибо у насъ и виртуозы есть на семъ инструментѣ и композиторы; не оставьте меня увѣдомить о семъ.

Жаль, что словарь малороссійскій уснулъ; но сонъ не смерть. Я надъ малорос. Энеидою 26 лѣтъ баюшки-баю, а надѣюсь что воскреснетъ, или, потерявши терпѣніе, пошлю ее въ огнь вѣчный. Ежели Энеида моя значитъ что-нибудь, то всесозженіе ея будетъ еще значительнѣе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною къ вамъ преданностію имѣю честь быть, Милостивый Государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Иванъ Котляревскій.

27 декабря 1821 г.
Полтава.

Поводом к написанию настоящего письма послужило избрание И. П. Котляревского в 1821 году почетным членом Вольного Общества любителей Российской словесности в С.-Петербурге. Об этом избрании было сообщено в журнале Общества „Соревнователь просвещения и благотворения" (1821 г., ч. XVI, стр. 109). Общество избрало Котляревского, „уважая отличные познания ⟨его⟩ в науках и отечественной словесности", одновременно с князем Александром Сергеевичем Меншиковым, Дмитрием Ивановичем Ахшарумовым и Петром Ивановичем Рикордом.

Повидимому, об этом избрании уведомил Котляревского особым письмом его земляк, товарищ председателя Общества Н. И. Гнедич, ответом на сообщение которого и явилось настоящее письмо И. П. Котляревского.

В благодарность за избрание автор „Энеиды" предложил для напечатания в журнале Общества пятую песнь своей поэмы. В XVII части „Соревнователя просвещения и благотворения" за 1822 год (стр. 98—102) появился небольшой „Отрывок из пятой части Малороссийской Энеиды" (5 строф) со следующею редакционною заметкою: ⟨Отрывок⟩ „доставлен в Общество известным сочинителем И. П. Котляревским. Сообщаем его читателям журнала, надеясь, что доставим удовольствие любителям сего произведения, исполненного необыкновенной веселости, остроумия и во многих отношениях весьма оригинального. Они верно порадуются, узнав, что г. Котляревский вновь написанными двумя песнями совсем кончил Малороссийскую Энеиду и в скором времени намерен издать оную".

Эта заметка, основанная на данных издаваемого письма, написана, по всей вероятности, Гнедичем. Свидетельство Котляревского о двадцатишестилетнем труде его по созданию „Энеиды" позволяет точно указать, что поэма была начата в конце 1794 или начале 1795 года.

По указанию В. И. Срезневского, автора биографии И. П. Котляревского в „Русском Биографическом Словаре", „Энеида" „писалась в продолжение многих лет; создание начала ее (части 1—3) относится, вероятно, к первой половине девяностых годов [1]), средина (часть 4-я) была написана в годы военной службы Котляревского, конец (части 5-я и 6-я) — до 1820 г., как видно из письма Мельгунова 1820 г. о предложении Московского издателя издать полную „Энеиду". Три начальные части „Энеиды" были напечатаны без дозволения автора Черниговским помещиком Парпурою—в 1798 и 1808 гг. [2]); первое авторское издание, заключающее в себе четыре части, было выпущено в свет в 1809 году и напечатано иждивением Полтавского помещика С. М. Кочубея, которому и было посвящено; полное издание всей „Энеиды"

---

[1]) Теперь, как указано выше, время создания начала „Энеиды" можно определить точнее.

[2]) В 1808 году „Энеида" напечатана в типографии Ивана Глазунова и является, по всей вероятности, изданием Глазунова, а не Парпуры.

(6 частей) вышло в свет уже после смерти Котляревского — в 1842 году“ [1]).

Как видно из этого краткого обзора, а также из печатаемого письма Котляревского, вопрос об издании „Энеиды“ не мог не вызывать огорчения и жалоб поэта. Возмущенный самовольным изданием Парпуры [2]), Котляревский внес с свое издание первых песен „Энеиды“, при описании мучений грешников в аду, новую, 82-ую строфу в 3-ей части поэмы, в которой обрушился на непрошенного издателя:

Якусь особу *мацапуру*
Там шкварили на шашлику,
Гарячу мідь лили за шкуру
І распинали на бику:
Натуру мав він дуже бридку,
Кривив душою для прибитку,
Чужее оддавав в печать;
Без сорома, без Бога бувши
І восьму заповідь забувши,
Чужим пустився промишлять [3]).

Из биографии Максима Осиповича Парпуры (род. в Конотопе Черниговской губ. в 1763 г., умер 11 июня 1828 г.) видно, что он обучался в Медико-Хирургическом Институте и служил в Медицинской Коллегии. Парпура оставил по завещанию крупные пожертвования на учебные заведения и больницы Украины: 30 тысяч рублей на богадельню в Конотопе и по 16 тысяч рублей Конотопскому поветовому училищу, Новгород-Северской гимназии и Харьковскому Университету [4]). Трудно поэтому думать, что такой человек, издавая „Энеиду“, преследовал цели наживы.

К этому мнению склоняется исследователь текста „Энеиды“ П. И. Житецкий. По его словам, „Парпура с любовью отнесся к изданию „Энеиды“, как один из любителей малороссийского слова“ [5]). Он снабдил свое издание небольшим словарем к „Энеиде“,

---

[1]) Русский Биографический Словарь. Кнаппе-Кюхельбекер, С.-Пб. 1903, стр. 333.

[2]) На титульном листе его обозначено: „Иждивением М. Парпуры“.

[3]) Твори Івана Котляревського. Під редакцією, з переднім словом та приміт-ками Сергія Ефремова. Київ. Видавництво „Вік“. 1909, стр. 61.

[4]) Русский Биографический Словарь. Павел, преподобный—Петр (Илейка), С.-Пб. 1902, стр. 316.

[5]) Издание Парпуры имеет посвящение: „Любителям малороссийского слова усерднейше посвящается“.

первым по времени в новой малорусской литературе. Впоследствии воспользовался этим словарем сам Котляревский, приложив его к своему изданию... Что касается до переделок в тексте „Энеиды", то мы сомневаемся, чтобы Парпура имел особенную склонность к ним, так как в конце своего издания он помещает немногие варианты к напечатанному тексту—по всей вероятности, из другого списка, бывшего у него под рукою" [1]).

Также смотрит на этот вопрос проф. М. С. Грушевский; по его мнению, „виданне Енеїди Котляревського було у нього актом меценатства, проявом безкористних симпатий до українського слова.... В усякім разі повторяти давні закиди на Парпуру по ста літах, без перевірки, як то ми бачили й у сьогорічній ювилейній літературі, не годиться. Хто зна, чи й сам Котляревський надумав би видати свою Енеіду, як би не видав ii богатий меценат, і як би се видание не було приняте публикою „с удовольствием", так що по десяти літах з'явилося нове виданне" [2]).

Редактор юбилейного издания „Сочинений" Котляревского С. Ефремов также полагает, что несправедливо упрекать Парпуру в желании нажиться на издании „Энеиды"; можно только винить его в издании поэмы Котляревского без ведома и согласия ее автора [3]).

Вопрос о первом издании „Энеиды" осложняется одним обстоятельством. На экземпляре этого издания, хранящемся в Славянском Отделе Библиотеки Российской Академии Наук, есть следующая рукописная запись: „Императорской Российской Академии от издателя г. надворного советника и инспектора С.-Петербургского физиката Иосифа Кириловича Каменецкого".

О Каменецком сообщены довольно подробные сведения в „Словаре" митрополита Евгения [4]), откуда они вошли в другие словари. Осип Кириллович Каменецкий (род. 30 марта 1754 близ Стародуба, в Черниговской губ., умер 14 июля 1823 г.). По окончании курса Черниговской Семинарии обучался в С.-Петер-

---

[1]) П. Житецкий. Энеида Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малорусской литературы XVIII века, Кіев. 1900, стр. 166.

[2]) Статья „Перші видання Енеіди Котляревського" в Львовском журнале „Літературно-Науковий Вістник" 1898, кн. XI, стр. 85—86.

[3]) Твори Котляревського, ed. cit., стр. 273.

[4]) Словарь русских светских писателей. Сочинение митрополита Евгения. Т. I., М. 1845, стр. 258 — 260. — См. также: Русский Биографический Словарь, Ибак-Ключарев, С.-Пб. 1897, стр. 411; Источники словаря русских писателей. Собрал С. А. Венгеров. Т. II, С.-Пб. 1910, стр. 566.

бургском медико-хирургическом училище; выпущен лекарем в 1780 году. В 1798 году определен инспектором в Физикат Медицинской Коллегии и впоследствии был членом той же Коллегии.

Как объяснить приведенную запись?

О. К. Каменецкий и М. О. Парпура родились в Малороссии, служили в Медицинской Коллегии и входили, по всей вероятности, в тот кружок „любителей малороссийского слова", которому посвящено издание 1798 г. Можно предположить, что Парпура принял на себя расходы по изданию „Энеиды", но труд издания разделял он с земляком Каменецким, который оказался *издателем* в значении этого слова в XVIII в., т. е. *редактором*. Ему, как редактору, может быть приписано избрание для печати наиболее авторитетного рукописного текста поэмы, подбор вариантов из других списков, составление словарика малороссийских слов, приложенного к изданию 1798 г., наконец,—редакторская корректура.

Что касается самого автора „Энеиды", то ему нелегко было найти издателя первых четырех частей поэмы и впоследствии— полного ее текста. С просьбою о содействии он обратился к Н. И. Гнедичу. Переводчик „Илиады", охотно помогавший своим литературным приятелям (Батюшкову, Пушкину) в деле издания их сочинений, желал оказать содействие и Котляревскому: не даром в журнале „Соревнователь просвещения и благотворения" сообщалось, что автор „Энеиды" „намерен в скором времени издать оную". Однако хлопоты его оказались безуспешными, и Котляревский (умерший 29 октября 1838 г., т. е. спустя 15 лет после написания издаваемого письма) еще долгие годы принужден был задумываться над судьбою лучшего из своих произведений, ставя даже вопрос о том, не предать ли его „огню вечному". Из письма видно, что Котляревский чувствовал значение своей поэмы. Поэтому нельзя согласиться с мнением проф. М. С. Грушевского, что автор „Энеиды" не придавал, по всей вероятности, особого значения своему труду [1]).

Упоминаемый в письме „уснувшій" Малороссійскій словарь, — по всей вероятности тот, плачевная судьба которого изложена С. К. Буличем в его „Очерке истории языкознания в России". Российская Академия около 1818 г. приобрела представленный ей „Малороссийский Словарь с Русским" не назван-

[1]) „Літературно-Науковий Вістник" 1898, кн. XI, стр. 75.

ного составителя. По словам П. И. Кеппена, словарь этот был составлен бывшим Сенатским обер-секретарем Новацким (ум. в 1813 г. в С.-Петербурге). Издание этого словаря было поручено члену Академии Н. И. Гнедичу „и при нем двум любителям словесности, знающим малороссийское наречие и согласившимся из усердия к общей пользе содействовать в сем предприемлемом труде, а именно г. Капнисту и князю Н. А. Цертелеву". Что и как делали издатели, неизвестно, только словарь напрасно заставил ждать своего появления в свет... О словаре вновь зашла речь только 15 лет спустя после постановления об издании, а именно в заседании 18-го марта 1833 г., когда член Академии М. Е. Лобанов, после смерти Гнедича, представил собранию песнипсальмы на малорусском языке, взятые Гнедичем из Академии еще в 1818 г., а также „несколько листов Малороссийского Словаря, писанного рукою Гнедича". Так как другая часть словаря была взята на рассмотрение В. В. Капнистом, умершим за 10 лет до этого времени (в 1823 г.), то было определено просить наследников покойного Капниста о возвращении ее. (См. М. И. Сухомлинов, История Рос. Академии. Вып. VI, стр. 83). Собственноручная записка П. И. Кеппена, помеченная ноябрем 1821 г., свидетельствует со слов самого Президента Российской Академии А. С. Шишкова, что словарь Новацкого был затерян еще во время составления записки[1])-

О Новацком и его труде, сколько мне известно, нет сведений в печати. В оффициальных „Месяцесловах" на 1806 г. (ч. I, стр. 86) и на 1808 г. (ч. I, стр. 102) упоминается коллежский советник Иван Иванович Новацкий, бывший сначала секретарем в III Апелляционном Департаменте, а в 1808 г. — обер-секретарем в V Департаменте Сената.

А. Лященко.

---

[1]) С. Булич. Очерк истории языкознания в России. Т. I., С.-Пб. 1904 (Записки Ист.-Филол. факультета С.-Пб. Унив., ч. LXXV), стр. 990—991. Из составленной М. Е. Лобановым записки видно, что он сдал в Академию 1) рукописный словарь малороссийского языка, 2) несколько псальмов и песен на малороссийском языке, доставленных ему Академиею для рассмотрения и пополнения оных еще в 1818 году. К ним присоединено несколько листов на буквы А и Б „Словаря малороссийского явыка", писанных собственною рукою Н. И. Гнедича. (См. Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии... Составил П. Н. Тиханов. С.-Пб. 1884, стр. 32, в „Сборн. отд. рус. яз. и слов. И. Академии Наук", Т. XXXIII).

Н. И. ГНЕДИЧ.

ПИСЬМО К ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ —

писал Пушкин („Евгений Онегин", гл. I, строфа XVIII), отмечая прелести русского театра, когда „под сению кулис"

Младые дни его неслись.

Игрой Екатерины Семеновны Семеновой увлекался не только Пушкин. В числе ее поклонников были еще С. Т. Аксаков, Н. И. Надеждин, князь А. А. Шаховской и другие. Ей подносились стихи[1]), для нее переводились пьесы[2]), Пушкин ей поднес „Бориса Годунова" с надписью. О развитии ее незаурядного таланта заботился князь А. А. Шаховской, от которого она, не удовлетворяясь его руководством, перешла в 1808 г. к Н. И. Гнедичу, страстно влюбленному в нее, но не рассчитывавшему на взаимность. В 1808 г. Гнедич, посвящая Семеновой свой перевод „Леара", писал:

Свершай путь начатый, онъ труденъ, но почтенъ;
Дается свыше даръ, и всякой даръ священъ!
Но ихъ Природа намъ не втунѣ посылает:
Природа даръ даетъ, а трудъ усовершаетъ;
Цѣни его и уважай,
Искусствомъ, опытомъ, трудом обогащай
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь—за славой[3]).

---

[1]) „Драмат. Вестн." 1808, ч. I, II; „Вестн. Европы" 1812, ч. LXI; „Дамский Журнал" 1823, № 6; „Аглая" 1812, январь. Писал ей стихи и С. Т. Аксаков.

[2]) Гнедич перевел „Танкреда" Вольтера в 1809 г.; Катенин — „Ариадну" Расина, Жандр — „Семеллу" Шиллера и др.

[3]) Стихотворения Н. Гнедича, С.-Пб. 1832 г., стр. 179—181.

Руководство Гнедича Семеновой не было секретом, как не было секретом и его чувство к артистке, вызывая самые разнообразные толки[1]). Отголоском их были и стихи графа Д. И. Хвостова к Н. И. Гнедичу[2]).

Я верю множеству Назоновыхъ чудесъ,
Случались въ Греціи большія превращенья,
Былъ Лебедемъ Зевесъ.
Такъ Гнѣдичъ! для чего средь вѣка просвѣщенья
Лица любимца музъ здѣсь Фебу не принять,
Чтобъ даръ Семеновой какъ свѣтлый лучъ являть.

Ответом на стихи Хвостова было письмо Гнедича, заканчивавшееся стихотворением. Оригинал письма хранится в архиве графа Д. И. Хвостова в Пушкинском Доме. Стихи были напечатаны в Собрании стихотворений Гнедича 1832 г.[3]) с подзаголовком: „Графу ***, который, восхищаясь игрою трагической актрисы Семеновой, говорил мне, что сам Аполлон учит ее". Фамилия адресата почему-то была скрыта; письмо же осталось в рукописи. А оно интересно. Мысли о таланте, его развитии и сущности в нем те же, что были высказаны Гнедичем в приведенных строках стиховъ 1808 года. Их мы найдем и в записной книжке Гнедича[4]), где мы встретим и мысли его о драматическом искусстве. Вместе с тем в этом письме Гнедич намекает и на интимную жизнь Семеновой, имевшей в это время покровителем своим князя И. А. Гагарина, за которого она в 1828 году и вышла замуж.

Письмо написано на листе белой бумаги среднего почтового размера, без обычного обращения (в это время Гнедич был в близких отношениях к графу Хвостову).

---

[1]) См. С. Аксаков, „Я. Е. Шушерин и современные ему театр. знаменитости"; П. А. Плетнев, Драмат. искусство г-жи Семеновой—„Соревнов. Просв." 1822, ч. XVIII; Из воспоминаний А. М. Каратыгиной—„Русск. Стар." 1880, VII.

[2]) Стихотворения графа Д. И. Хвостова, т. VII, С.-Пб. 1834, стр. 176. Стихотворение носит заголовок: „Н. И. Гнедичу, об игре актрисы Семеновой в трагедиях 1821 года". В примечании к стихотворению Хвостов говорит, что „Мадригал" показывает участие и советы Гнедичу к бесподобной актрисе нашей Е. С. Семеновой, относительно ее игры, на театре, высоким природным дарованием оживляемой» (ibid., стр. 271—272). Семенова выступала в роли Клитемнестры в переведенной для нее М. Е. Лобановым трагедии „Ифигения".

[3]) Стр. 223.

[4]) См. П. Тиханов, Н. И. Гнедич. Несколько данных для его биографии по неизданным источникам, С.-Пб. 1884, стр. 70.

„Стихи Вашего Сіятельства имѣлъ я честь получить. Какъ поэзія они истинны, но какъ истина — они поэзія. Дарованіе, конечно, посылаютъ боги. Но что касается до его образованія, то есть до того, чтобъ посредствомъ ученія, свѣдений и безпрерывнаго упражненія овладѣть тайнами своего искусства, в это дѣло труда и пота — боги, какъ увѣрены и вы, Графъ, не мѣшаются. И такъ —

Извѣстно, Графъ, что вашъ пріятель — Аполлонъ,
Но если этотъ небожитель
(Знать у боговъ есть честолюбіе свое)
Вамъ шепчетъ, будьто онъ
Семеновой учитель,
Графъ! — прилыгаетъ онъ: спросите у нее.

Н. Гнѣдичь".

17. Генв.
1822.

Текст стихотворения разнится с напечатанным самим Гнедичем в четырех последних стихах. В печатном тексте эти стихи читаются:

(Знать есть и у боговъ тщеславіе свое:)
Шепнулъ вамъ, будто онъ
Семеновой учитель;
Не вѣрьте, Графъ, ему; спросите у нее.

Гнедич хотел всю честь обучения Семеновой приписать себе, хотя артисты того времени были иного мнения о результатах руководительства Гнедича. Достаточно привести отзыв актера Шушерина, резко сказавшего про учителя Семеновой—Гнедича: „этот одноглазый чортъ погубит талант Семеновой". Неодобрительно к этому относился и П. А. Каратыгин.

Л. Ильинский.

Ф. Ф. КОКОШКИН.

ПИСЬМО К М. Е. ЛОБАНОВУ [1]).

Москва. 23 октября 1823 г.

Пріятнѣйшее письмо ваше, Любезнѣйшій и Почтенный Михаилъ Евстафьевичъ! и вмѣстѣ отрывокъ прекраснаго перевода вашего Расиновой Федры, имѣлъ душевное удовольствіе получить. Простите что замѣдлилъ отвѣтомъ моимъ. Отъ ранняго утра, до позднаго вечера, ежедневно будучи занятъ безпрерывными занятіями по Службамъ моимъ, невольно пропускалъ дни Почтъ, и главнѣйшая причина та, что изъискивалъ Средства, какимъ либо способомъ исполнить желаніе ваше, но, къ искренному сожалѣнію Положеніе, утвержденное при раздѣленіи Дирекцій Имп. Театровъ, дѣлаетъ это совершенно невозможнымъ.—

---

[1]) Приводимое ниже письмо принадлежит Федору Федоровичу Кокошкину (род. 20-го апреля 1773 г., ум. 9-го ноября 1838 г.); известный драматург и театрал, он с 1823 г. по 1836 г. был Директором Московских Театров, а с 1827 г. по 1830 г. — Председателем Московского Общества любителей Российской словесности. Он был автором оригинальных и переводных (с французского) трагедий и комедий, из которых более значительный успех имел его перевод „Мизантропа“ Мольера, поставленный в 1815 году. Его корреспондент — Михаил Евстафьевич Лобанов (род. в 1787 г., ум. 5-го июня 1846 г.), служил в Петербурге, в Публичной Библиотеке; поэт классического направления, он в 1815 г. перевел из Расина „Ифигению в Авлиде“, в 1823 г. — „Федру“, о которой и идет речь в настоящем письме; состоял членом Российской Академии, где в 1836 году произнес речь, вызвавшую в ответ известную статью Пушкина „Мнение М. Е. Лобанова о Российской словесности“.

Письмо Ф. Ф. Кокошкина воспроизводится нами с соблюдением орфографии подлинника.

Тамъ сказано, что есть ли которая изъ Дирекцій пріобрѣтаетъ во всякомъ родѣ какую либо новость, то, по требованіямъ, одна — другой сообщаетъ. — Къ сему долженъ присовокупить несчастную Истинну, что Московская Дирекція находится въ столь скудномъ состояніи въ отношеніи къ финансамъ, что безъ помощи испрашиваемой отъ Правительства, едва ли, и на семъ Маломъ Театрѣ можемъ мы продолжить существованіе наше; а сдѣлать переходъ на обширной, великолѣпный Театръ Петровскій можетъ почитаться въ числѣ рѣшительныхъ невозможностей.—Я, М. Н. Загоскинъ [1]), самъ князь Генералъ-Губернаторъ [2]), всѣ душою желали бы исполнить ваше и наше желаніе; но вышесказанное положеніе отнимаетъ всякую къ тому возможность. Вѣрьте, Почтеннѣйшій Михаилъ Евстафьевичъ! что всѣ мы о томъ искренно скорбимъ; но дѣлать нечего. — Есть ли бы возможно было, не полѣнился бы нарочно пріѣхать въ Петербургъ чтобъ быть свидѣтелемъ Торжества вашего, и безъ сомнѣнія неподражаемой Семеновой [3]). — Есть ли мы и имѣемъ надежду имѣть вашу Федру; но гдѣ же другая Семенова? и откровенно сказать долженъ: гдѣ же у насъ трагедія? — и Расинова трагедія?—Чтобъ не всегда смѣяться; а иногда хоть насильно плакать, мы побираемся по нѣмецкимъ трагикамъ, или—признательно скажу: каррикатуримъ бѣднаго Озерова [4]).—Комедія наша начинаетъ идти весьма не худо—и сего дня даемъ новое произведеніе Писарева [5]), комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ въ стихахъ, и очень хорошихъ, Лукавинъ, передѣланный с Шеридановой [6]) *Школы Злословія:* готовятся еще многія новости въ этомъ родѣ: — водевиль идетъ у насъ не дурно; а къ балету нашему недостаетъ

---

[1]) Известный романист.

[2]) Князь Дмитрий Владимирович Голицын.

[3]) Екатерина Семеновна Семенова (род. 7-го ноября 1786 г., ум. 1-го марта 1849 г.); знаменитая драматическая артистка, дочь крепостной; исполнительница ролей Заиры, Ариадны, Меропы, Гофолии, Эсфири, Семирамиды, Камиллы, Медеи, Паллады, Клитемнестры (в „Ифигении в Авлиде"), Андромахи, Федры, Поликсены, Аменаиды и др. ролей классического репертуара. — Лобанов посвятил ей свой перевод „Ифигении в Авлиде". В „Федре" она выступала 9-го ноября 1823 года.

[4]) Известный драматург.

[5]) Александр Иванович Писарев (род. 1803 г., ум. 1828 г.), известный водевилист, автор многих эпиграмм и сатир; одна из лучших его пьес — упоминаемый в письме „Лукавин", вышедший в 1823 г. в Москве.

[6]) Знаменитый английский комический писатель; „Школа злословия" — его лучшая комедия.

только единственнаго Дидло[1]), темъ болѣе что со дня на день ожидаемъ изъ Парижа танцовщиковъ, Richard и M-lle Hulein отличныхъ артистовъ *du Grand-Opera* — вотъ вамъ Почтенный Михаилъ Евстафьевичъ! реляція нашего репертуара: Директоръ почелъ это долгомъ довести до свѣдѣнія того, кто вторично обогащаетъ репертуаръ С.-Петербургскаго Театра. Буду ли я когда въ возможности похвастать и у себя представленіемъ вашихъ превосходныхъ переводовъ! — не буду отчаиваться, чтобъ не залѣниться: разсада есть и даже нѣкоторые цвѣточки; но созрѣетъ ли? принесетъ ли плоды? — время и деньги! — Деньги и время! и подай Благій Фебъ, силы, и терпѣнія! — Примите вновь увѣреніе въ чувствахъ искреннаго моего къ вамъ уваженія, и душевнаго почтенія!

вамъ сердцемъ и душой преданный

Ѳ. Кокошкинъ.

Сцена ваша доставлена къ Предсѣдателю Общества: За ранѣе наслаждаюсь удовольствіемъ читать ее въ Обществѣ[2]).

Слова Кокошкина: „от раннего утра до позднего вечера ежедневно будучи занят беспрерывными занятиями по службам моим", — звучат, с одной стороны, несколько преувеличенно; но, с другой, в них должна была быть и своя доля истины: Кокошкин, во-первых, только первый год, как был назначен Директором Московских Театров, а во-вторых, действительно относился к своему делу с большою любовью и рвением. „Московский театръ, под главным управлением князя Дмитрия Владимировича Голицына при Директоре Кокошкине сделал большие успехи; драматический спектакль и балет пришли там на степень совершенства; были выписаны из Парижа отличные танцовщики; возведен и окончен постройкою в 1824 г. Большой Петровский театр, великолепный и в огромных размерах, и приобретен казною, для Малого театра, частный дом купца Варгина" [3]).

Что касается упоминаемой в письме пьесы Лобанова, то известно, что роль Федры почитается пределом драматического

---

[1]) Известный балетмейстер. Срв. у Пушкина в „Евгении Онегине": „Балет довольно я терпел, но и Дидло мне надоел!".

[2]) Общество любителей Российской словесности при Московском Университете.

[3]) П. Арапов, Летопись русского театра, С.-Пб. 1861 г., стр. 385.

искусства; одно высокое дарование Семеновой было в состоянии передать все ее красоты [1]). Семенова играла эту роль по традициям девицы Жорж и напоминала ее, но движения чувства любви и страсти выражались у нее несравненно сильнее. Сцена Федры с Эноною (в 1 действии), где зритель обыкновенно ожидает с нетерпением признания Федры, знаменитая наша актриса исполнила превосходно; при имени Ипполит, полустишие:

Ты назвала его!

Семенова произнесла робким и невнятным голосом недоверчивости, и троекратные взрывы рукоплесканий сопровождали ее речь. Вообще роль Федры была венцом славы Семеновой. Соответствовал ее игре и В. А. Каратыгин, который прекрасно передавал роль Ипполита" [2]).

Пушкин говорил о Семеновой, что „она одушевила измеренные строки Лобанова" („Мои замечания о русском театре", 1819 г.). Далеко не так одобрительно отзывался он о самом Лобановском переводе „Федры": „Кстати о гадости: читал я Федру Лобанова; хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради Маркиза Расина—перо вывалилось из рук. И об этом у нас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии Г. Расина!

Voulez-vous découvrir la trace des ses pas —
надеешься найдти
Тезея жаркий след иль темные пути —

М〈...〉его в рифму! Вот как все переведено! А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! План и характеры Федры—верх глупости и ничтожества в изобретении: Тезей — не что иное, как первый Мольеров рогачь; Ипполит, le superbe, le fier Hyppolyte, et même un peu farouche, Ипполит, суровый скифский 〈.....〉, — не что иное как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный:

D'un mensonge si noir... и проч.

---

[1]) Переводчик, в своем предисловии к изданию этой трагедии, говорит, что он начал ее переводить, но остановился, когда Семенова оставила театр, и тогда только принялся с усердием за довершение своего труда, когда Семенова возвратилась на сцену.

[2]) Там же, стр. 345.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удостоверишься, что Расин понятия не имел об создании трагического лица; сравни его с [монологом] речью любовника Паризины Байрона, увидишь разницу умов. А Терамен — аббат и сводник: Vous même où seriez-vous etc., — вот глубина глупости!“ Так писал поэт в письме к брату своему, Л. С. Пушкину, от начала января 1824 г. из Одессы.

Н. В. Яковлев.

Ф. В. БУЛГАРИН.

ПИСЬМО К Н. И. ГРЕЧУ.

Любезнѣйшій другъ Николай Ивановичь.

Вчерашнѣе милое происшествіе такъ меня разстроило, что я цѣлую ночь не могъ уснуть. Я сказалъ тебѣ *на смѣхъ:* „вотъ тебѣ не позволятъ, а мы напечатаемъ"; — а ты принялъ это *въ насмѣшку,* и назвал Воейковщиной. Если тебѣ угодно заниматься пустяками, т. е. дружбою, то спроси у Корниловича, не говорилъ ли я ему въ тотъ же день, что у меня стихи Пушкина пройдутъ, но я не напечатаю *никогда,* **ничего,** что было запрещено у Греча, какъ развѣ по его собственному желанію. Я къ тебѣ нарочно за тѣмъ пришелъ сказать, что у меня есть нѣчто похожее на сообщенную тебѣ критику, и стихи Пушкина, чтобъ именно *не перебивать*; а ты взялъ, что я хочу по Воейковски *перебивать.* Въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ нашей дружбы, я старался всѣми зависящими отъ меня средствами показать тебѣ мою привязанность, любовь, уваженіе, и готовъ былъ и есть теперь сдѣлать для тебя всевозможныя пожертвованія. Если ты полагаешъ и увѣренъ, что мои бѣдные *литературные листки* могутъ вредить твоему журналу, скажи одно слово, и ихъ не будетъ. Работать для тебя я не отказываюсь и уже имѣю готовую статью: *Смерть Лопатинскаго,* которую прочтемъ вмѣстѣ и если ты найдешъ ее достойною Сына Отечества, съ удовольствіемъ тебѣ отдамъ. Я бы лучше хотѣлъ, чтобы ты мнѣ далъ какую работу или задачу (только не переводить), а я исполню по мѣрѣ моихъ способностей. Я никогда не забуду, какъ я много тебѣ обязанъ: чрезъ тебя я вышелъ на поприще Руской Литера-

туры, и ты меня поставилъ на такую степень познанія Рускаго языка, что я самъ удивляюсь, примѣчая, что я теперь знаю болѣе многихъ учителей.

Изливъ чувства моей къ тебѣ привязанности, позволь, другъ, присовокупить пару добрыхъ совѣтовъ, а имянно: нельзя ли, преодолѣвъ твое отвращеніе къ Красовскому, снова заняться критикою, ты не повѣришъ, какъ твои *Кавказскія письма* заинтересовали всѣхъ. Это твой родъ: ты шубравецъ въ душѣ. Другой совѣтъ: ты стыдишся по примѣру прочихъ журналистовъ сказать стихотворцу: „Дай, братъ, стиховъ"! и называешъ это Воейковщиной. Любезный другъ! въ мірѣ девять десятыхъ Воейковыхъ, а половина десятой остальной части Кюхельбекеровъ!— какъ не польстить самолюбію поэта, который готовъ за похвалу зубами выцарапать стихи на гранитѣ.

Я никакъ не сердитъ на тебя за вчерашнѣе, ибо видѣлъ, что ты былъ **болѣнъ душою.** И со мною бываютъ минуты, въ которые всѣхъ бы перебилъ и перекусалъ. Но вотъ за что буду сердиться, если ты, пріѣхавъ домой, скажешъ Катеринѣ Ивановнѣ: „Представъ себѣ, Булгаринъ, радуется что у меня Красовской запрещаетъ піесы, и самъ ихъ печатаетъ, восхищаясь моими неудачами". — Повторяю, что за это буду прямо сердиться, еслибъ случилось, ибо это была бы *большая неправда* (чтобъ сказать вѣжливо). Катерину Ивановну я уважаю очень много, и увѣренъ, что она меня не считаетъ подлымъ. Я весь составленъ изъ недостатковъ и слабостей; чувствую и плачу иногда. Но я неспособенъ къ Воейковщинѣ и мелочамъ *азіатскимъ* (verſteheu) и вѣсьма сожалѣю, если ты понынѣ не знаешъ меня.

Теперь долженъ я тебѣ сказать правду, и боюсь, что ты на меня разсердишся. Скажу, какъ Аристидъ (т. е. Аристидъ на изнанку): „*Хоть бей, но выслушай*!" Ты мнѣ вчера жаловался, что сотрудники тебя оставили. Знаешъ ли, почему? Я слышалъ человѣкъ отъ десяти, которыхъ сочту тебѣ по пальцамъ, что имъ ненравится, когда ты говоришъ съ презрѣніемъ о славѣ писателей и говоришъ единственно: *деньги! деньги! де ларжанъ!* и проч. Я знаю, что это шутка; но не всѣ люди *я* (съ позволенье сказать). Второе дѣло, что ты неглижируешъ людей,— а въ томъ числѣ виноватъ и я старой дуракъ.

Вотъ, любезный, моя исповѣдь, я люблю тебя болѣе всѣхъ, и par depit иногда сержусь такъ, какъ сердятся любовники; ибо когда узнаю, что я тебѣ сдѣлалъ непріятность, то бѣшусь и досадую на себя. Клянусь тебѣ, что я ничего противу тебя не

имѣю въ сердцѣ. Издаю журналъ для того, чтобъ приготовить для себя имя во Франціи, чтобы по пріѣздѣ моемъ, представляя, сказали: c'est M-r de Bulg. Redacteur des archives du Nord et du feuilleton litteraire, etc. Ты самъ видишъ, что мой архивъ сдѣлалъ мнѣ много добра въ свѣтѣ. Предъ цѣлымъ міромъ готовъ признаться, что я всѣмъ обязанъ тебѣ, и что люблю тебя всею душою, всѣмъ тѣломъ, всѣмъ помышленіемъ, какъ самаго себя.

Аминь. Ѳ. Булгаринъ.

16 Іюля 1823.

NB. Хотѣлъ придти къ тебѣ обѣдать, но долженъ быть въ Сенатѣ.

Издаваемое письмо дает любопытный и ценный материал для характеристики взаимных отношений Булгарина и Греча, заключивших между собою тесную дружбу и в течение долгого времени игравших первенствующую роль в Петербургской журналистике. Булгарин, несомненно, имел некоторые качества, необходимые журналисту: он умел уловить вкусы и настроения общества и шел им на встречу, обладая при этом живым темпераментом, бойким пером, находчивостью и большою трудоспособностью. Но вместе с тем у него не было принципов — кроме принципа наживы, не было чувства меры, нравственных устоев. Поэтому, конечно, он не мог вызывать к себе сочувствие со стороны людей идейных, смотрящих на печатное слово с уважением, ждущих от литератора-журналиста серьезных откликов на явления жизни и идейного руководительства общественным мнением. Как ни тяжелы были условия печати в двадцатых-сороковых годах XIX века, однако, были среди русских писателей лица, с искренним негодованием порицавшие беспринципность, низкопоклонство, взяточничество, доносы Булгарина. В числе таких идейных противников Булгаринского направления был и Пушкин, долго и безуспешно добивавшийся возможности создать независимый орган печати.

Низкий нравственный уровень Булгарина обнаруживает и настоящее письмо. Какой, например, совет дает в нем Булгарин своему другу? Выпрашивать при помощи льстивых похвал стихи у поэтов, которые, по мнению автора письма, готовы за эти похвалы „зубами выцарапать стихи на граните“.

Греч, менее ловкий, чем Булгарин, не умел ухаживать за нужными людьми („ты неглижируешь людей“) и с откровенностью

недалекого человека раскрывал перед сотрудниками свою несложную идеологию: *деньги, деньги, де ларжан*. В письме Булгарин упрекает за это друга и указывает на его тактические ошибки, которые и вызывают уход сотрудников из редактируемого Гречем „Сына Отечества".

При всем том, Греч в общественно-этическом отношении стоял выше Булгарина, хотя его этика, вообще, не отличалась ни особою высотою, ни устойчивостью.

В печатаемом письме Булгарин признает, что Греч имел большое значение для него в начале литературной деятельности. В самом деле, Греч ввел Булгарина в литературные круги, поощрял его первые литературные опыты, учил его русскому языку. Но ученик стал быстро обгонять учителя в умении вести журнальное дело, и учителю поневоле пришлось стать в отношения зависимые к бывшему ученику, пришлось даже пригласить его (с 1828 г.) в качестве соиздателя „Сына Отечества". Столкновения на почве соперничества двух журналов—„Сына Отечества" Греча и „Северного Архива" с „Литературными Листками" Булгарина—начались гораздо ранее 1828 г. Настоящее письмо вызвано одним из таких столкновений в 1823 г. При этом столкновении Булгарин был, повидимому, по обыкновению несдержан; но собственная несдержанность расстроила его: он провел беспокойную ночь. В результате—извинительное письмо.

Греч так характеризует своего друга и его тяжелый характер: „В молодости он был любезен, остер, добродушен, обходителен; эти качества исчезали в нем с каждым годом, и с каждым годом увеличивалось в нем чувство зависти, жадности и своекорыстия, заглушая добрые его свойства... В самой основе его характера было что-то невольно дикое и зверское. Иногда, вдруг, ни с чего или по самому ничтожному поводу он впадал в какое-то исступление, сердился, бранился, обижал встречного и поперечного, доходил до бешенства. Когда, бывало, такое исступление овладеет им, он пустит себе кровь, ослабеет и потом войдет в нормальное состояние... Когда я убедился в возрастании недружелюбия, зависти и злобы в Булгарине, надобно было бы расторгнуть нашу связь, но от него зависело благосостояние моего семейства. Я сносил с терпением все его причуды, подозрения и оскорбления, но нередко выходил из терпения" [1]).

---

[1]) „Записки о моей жизни" Н. И. Греча. Изд. А. С. Суворина, С.-Пб. 1886, стр. 448.

Описанное в письме столкновение разыгралось на почве журнальной конкуренции: не пропущенное цензором А. И. Красовским в „Сыне Отечества“ стихотворение Пушкина Булгарин пожелал поместить в своих „Литературных Листках“, умея, очевидно, ладить с цензором А. С. Бируковым.

В начале 20-х годов между Пушкиным и дуумвиратом приятелей-журналистов отношения были невраждебные. В „Сыне Отечества“ Греча за 1820 и 1821 годы помещен ряд произведений Пушкина: несколько отрывков из „Руслана и Людмилы“, „Элегия“ (Погасло дневное светило), „Письмо к В. Л. Пушкину“ (Тебе, о Нестор Арзамаса), „Черная шаль. Молдавская песня“, „К Ч⟨аадаев⟩у“ (В стране, где я забыл тревоги прежних лет), „К Ж⟨уковском⟩у“.

Одно из сохранившихся писем Пушкина к Гречу (от 21-го сентября 1821 года) свидетельствует о дружелюбных отношениях поэта к „любезному нашему Аристарху“.

В свою очередь, Греч дает сочувственный отзыв о литературной деятельности Пушкина, введя его имя в свой „Опыт краткой истории русской литературы“ (С.-Пб. 1822)[1]).

И к Булгарину в это время Пушкин относился без враждебности. Достаточно убедиться в этом, прочитав письмо поэта к Булгарину от 1-го февраля 1824 г.: „С искренней благодарностью получил я I-й нумер Северного Архива, полагая, что тем обязан самому почтенному издателю. С тем же чувством видел я снисходительный ваш отзыв о татарской моей поэме. Вы принадлежите к самому малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут и должны быть уважаемы. Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы...“.

Надеясь на сотрудничество приобретшего уже почетную известность поэта, Булгарин посылает ему свой „Северный Архив“. Тут он проявил гораздо более такта, чем „неглижирующий“ людей Греч, не находивший нужным посылать „Сын Отечества“ Пушкину, который был сотрудником этого журнала (см. письмо поэта к брату, Л. С. Пушкину, от 4-го сентября 1822 г.).

Деятельность Булгарина еще не проявилась тогда со всеми

---

[1]) Н. О. Лернер. „Заметка о Пушкине“, в изд. „Пушкин и его современники“, вып. XVI, С.-Пб. 1913, стр. 70—72.

своими отрицательными сторонами. И, все-таки, в эти ровные, деловые отношения Булгарин первый внес такой элемент, какой должен был вызвать справедливое недовольство и негодование Пушкина. — Письмо поэта к А. А. Бестужеву от 8-го февраля 1824 г. случайно попало в руки Булгарина, который не постеснялся, не спросясь автора, поместить из него в своих „Литературных Листках“ несколько строк интимного характера, касающихся создания „Бахчисарайского Фонтана“.

Неудивительно, если Пушкин отозвался на это в письме к брату (1-го апреля 1824 г.) так: „Что это со мною делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова — как можно печатать партикулярные письма? Мало-ли что̀ приходит на ум в дружеской переписке, а им бы все и печатать — это разбой...“. Итак, Пушкин, подобно Гречу, сравнил здесь Булгарина с Воейковым, бесцеремонность которого вошла как бы в поговорку. А. А. Бестужеву поэт писал: „Ты ошибся, думая, что я сердит на тебя... Булгарин другое дело. С этим человеком опасно переписываться. Гораздо веселее его читать...“ [1]).

Нас могут интересовать вопросы: о каком стихотворении Пушкина говорится в письме Булгарина к Гречу, и чем кончилась размолвка между друзьями. Как и можно было ожидать, Греч уступил, заботясь, очевидно, о „благосостоянии своего семейства“. Письмо Булгарина было написано 16-го июля 1823 г., а 29-го июля того же года цензор А. С. Бируков подписал цензурное разрешение на выпуск второго нумера „Литературных Листков“, являющегося приложением к № 15-му VII части „Северного Архива“ за 1823 год. В этих „Листках“ напечатано стихотворение Пушкина „На выпуск птички“, съ подписью: *А. П.*

Текст стихотворения в журналѣ Булгарина представляет первую его редакцию, совпадающую, за исключением последней строки, с текстом в письме Пушкина к Н. И. Гнедичу из Кишинева от 13-го мая 1823 г. Приводим текст стихотворения из „Литературных Листков“:

---

[1]) Об этом эпизоде см. в статье П. Е. Щеголева: „Из разысканий в области биографии и текста Пушкина“, в XIV вып. издания „Пушкин и его современники“, С.-Пб. 1911, стр. 130—132. — Отношения поэта к Гречу, Булгарину и Сенковскому подробно выяснены в статье А. Г. Фомина: „Пушкин и журнальный триумвират 30-х годов“ в V томе Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, стр. 450—492.

НА ВЫПУСКЪ ПТИЧКИ.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины;
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роптать,
Когда, хоть одному творенью,
Я могъ свободу даровать [1]).

Стихотворение довольно невинного, на первый взгляд, содержания вызвало, однако, сомнения и подозрительность цензоров, которые знали о принадлежности его Пушкину и угадывали в нем серьезные переживания поэта. Говорить об этих переживаниях опальному поэту было запрещено. Не даром Пушкин, посылая эти стихи в письме Гнедичу, писал: „Напечатают ли *без имени* в С. О.“ (Сыне Отечества). Цензору А. И. Красовскому стихи Пушкина показались подозрительными: в них говорилось „о воле“ и какой-то птичке, отпускаемой на волю... В „Сыне Отечества“ они не появились, а были напечатаны в журнале Булгарина, который счел нужным снабдить их следующим примечанием: „Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп невинных должников и проч.“. Такое объяснение дал стихотворению осторожный издатель журнала, ладивший с цензорами. Комментаторы Пушкина с ним несогласны: они ставят это стихотворение в связь с „Узником“, написанным около того же времени, и с перепиской Пушкина [2]). Поэт надеялся на заступничество друзей и на амнистию. Об этом мечтал он еще в мае 1821 г., когда писал А. И. Тургеневу: „Если получу я позволение возвратиться, то не го-

---

[1]) Варианты обычного текста „Птички“ (вторая редакция):

2. На волю птичку выпускаю
3. При светломъ празднике весны
6. За что на Бога мне роптать.

Последний стих в письме к Гнедичу:

Могу я волю даровать?

[2]) См., напр., Сочинения Пушкина. Издание И. Академии Наук, Т. III. С.-Пб. 1912, стр. 12; Соч. Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, Т. II, стр. 598.

ворите ничего никому, и я упаду, как снег на голову“ [1]). Но друзья молчали или не могли ничего сделать. В письме к Сергею Ивановичу Тургеневу от 21-го августа 1821 г. поэт говорит: „Его Преосвященству [2]) писал я письмо, на которое ответа еще не имею. Дело шло об моем изгнании — но если есть надежда на войну [3]), ради Христа, оставьте меня в Бессарабии“.

Через год, в октябре 1822 г., Пушкин писал брату Льву Сергеевичу: „Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас. *Но не прежде будущего года* быть мне на месте. Жуковскому я писал, он мне не отвечает; Министру [4]) я писал — он и в ус не дует.

О други, Августу [5]) молбы мои несите [6]).
Но Август смотрит сентябрем...“.

В 1823 г. поэт вновь возбудил ходатайство перед министром графом К. В. Нессельроде об отпуске на 2—3 месяца в Петербург. Император при докладе министра отказал. Граф Нессельроде сообщил об отказе императора в письме к генералу И. Н. Инзову от 27-го марта 1823 г. [7]) Итак, ожидавшаяся поэтом к Пасхе 1823 г. неполная амнистия в виде двухмесячного отпуска не состоялась. „Выкарабкаться“ из Кишинева в Петербург в 1823 г. Пушкину не удалось. В это именно время и написано стихотворение „На выпуск птички“; последние четыре строки его звучат иронией.

Письмо Пушкина к Гнедичу с приложением стихов „На выпуск птички“ написано 13-го мая, письмо Булгарина — 16-го июля, цензурная помета — 29-го июля.

В письме Пушкина к Гнедичу нет обозначения года. Все издатели (напр., П. А. Ефремов, В. И. Саитов, а за ним и С. А. Венгеров) относят его к 1822 г. Но эта датировка, по нашему мнению, ошибочна: письмо написано в 1823 г. Приведем основания нашего утверждения.

---

[1]) „Русский Библиофил“ 1911, V, стр. 17.
[2]) Александру Ивановичу Тургеневу.
[3]) С Турцией из-за Греции.
[4]) Иностранных Дел, граф К. В. Нессельроде.
[5]) Императору Александру I.
[6]) Стих из стихотворения „К Овидию“.
[7]) Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, 2-ое изд. И. Академии Наук, С.-Пб. 1910, стр. 86—87.

Письмо начинается следующими строками:

„Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было. Если можно приступить ко второму изданию Руслана и Плѣнника, то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ".

Едва ли Пушкин мог в мае 1822 г. сказать о себе, что он „молчит, боясь надоедать своими письмами", когда всего только 29-го апреля 1822 г. он послал Гнедичу для *первого* издания рукопись „Кавказского Пленника". Только из письма поэта от 27-го июня 1822 г. видно, на какие изменения в тексте этой поэмы пришлось согласиться в угоду цензуре. Издание вышло в середине сентября 1822 г., что̀ ясно из письма к Гнедичу от 27-го сентября 1822 г.: „Приехали Пленники — и сердечно Вас благодарю, милый Николай Иванович".

Речь о *втором* издании „Руслана и Людмилы" и „Кавказского Пленника" можно было вести никак не ранее выхода в свет первого издания „Кавказского Пленника". Действительно, переговоры о новом издании начал Гнедич в апреле или мае 1823 г. Пушкин, однако, не хотел поручить издание Гнедичу и дал ему уклончивый ответ в письме от 13-го мая *1823 года*. Несколько позже, 19-го августа 1823 г., поэт писал князю П. А. Вяземскому: „Гнедич хочет купить у меня второе издание Руслана и К. Пленника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде. Я обещал ему предисловие — но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним — возьми на себя это второе издание и освяти его своею прозой, единственною в нашем прозаическом Отечестве".

В разбираемом письме от 13-го мая (1823 г.) Пушкин не соглашается „на присовокупление новых бредней: они обещаны Як. Толстому и должны поступить в свет особливо... Tout bien vu, не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать — авось не наскучу". Переговоры с Я. Н. Толстым о выпуске в свет мелких сочинений отдельным изданием Пушкин начал письмом от 22-го сентября 1822 г., которое является ответом на предложение князя Лобанова. Следовательно, не мог он упоминать о них в письме 13-го мая 1822 г., т. е. четырьмя месяцами ранее начатия переговоров.

Эти соображения с несомненностью свидетельствуют о том, что интересующее нас письмо Пушкина к Гнедичу писано не в 1822, а в 1823 году.

Упоминание в письме Булгарина декабристов-писателей Александра Осиповича Корниловича (р. 1795, ум. 1833) и Вильгельма Карловича Кюхельбекера (р. 1797, ум. 1846) свидетельствует о том, что Булгарин сближался с некоторыми декабристами; это подтверждается и „Записками" Н. И. Греча. В письме Булгарин противопоставляет Кюхельбекера Воейкову и относит первого к числу лучшей, немногочисленной части общества. Это не помешало ему способствовать розыскам после 14-го декабря 1825 г. прежнего доброго знакомого. По словам Греча, „полиция искала Кюхельбекера по его приметам, которые описал Булгарин *очень умно и метко*".

Александр Иванович Красовский (р. 1790, ум. 19-го ноября 1857), как цензор, отличался большою придирчивостью и обскурантизмом. Нелепые придирки Красовского ко всем литературным произведениям, попадавшим к нему на рассмотрение, сделали его имя нарицательным.

Рассказ Булгарина „Смерть Лопатинского", напечатанный в ч. 87 „Сына Отечества" за 1823 г. (№ XXX, стр. 151—162) касается одного из эпизодов войны России в Финляндии (1808 г.).

Катерина Ивановна, о которой с большим уважением отзывается Булгарин, — сестра Н. И. Греча.

Булгарин любил приводить в письмах цитаты на разных языках, делать ссылки на факты из истории; но его цитаты часто не отличались точностью, а ссылки бывали ошибочны. Так, и в настоящем письме слова Фемистокла к Эврибиаду „Бей — но выслушай" приписаны им Аристиду.

Вспоминая начало литературной деятельности Булгарина, Греч говорит: „Я помогал ему усердно, особенно сглаживая слог, который отзывался полонизмами и галлицизмами" [2]). Судя по настоящему письму, Булгарин весьма доволен своими познаниями в русском языке; однако, на самом деле, стиль его письма не отличается чистотою: в письме встречаются и галлицизмы, и полонизмы (напр.: второе дело, что ты неглижируешь людей).

---

[1]) Записки Греча, стр. 388.

[2]) Записки Греча, стр. 450.

Употребленное в письме польское слово „шубравец“ значит: бездельник, прощалыга, плут. Конечно, употребить это слово в прямом смысле, как комплимент Гречу, Булгарин не мог. Дело объясняется тем, что в 1822 г. в Вильне было открыто, при деятельном участии профессорских и литературных кружков, польское литературно-моральное общество „шубравцев“, некоторыми сторонами своей деятельности напоминающее наш Арзамас (например, пародиями, шутовскими выходками, принятием членами псевдонимов из мира литовской мифологии). Общество, однако, ставило себе серьезные задачи: оно заботилось о нравственном исправлении земляков и издавало сатирический журнал „Wiadomości brukowe“, в котором осмеивались пороки, клеймились пустота жизни, недомыслие, праздность, сутяжничество, любовь к картам, дурное обхождение с крестьянами, грубость мужчин, сентиментальность женщин, французомания, исковерканное домашнее воспитание [1]).

Булгарин и Греч были избраны в почетные члены Общества „шубравцев“.

Деятельность названного общества казалась подозрительной русской власти. Попечитель Виленского округа Н. Н. Новосильцов в письмах от 28-го декабря 1824 г. на имя графа Аракчеева указывал на „вредное“ направление Общества и на участие в нем Булгарина и Греча. Оффициальная переписка по этому поводу велась до конца 1829 г. Обвинение в политической неблагонадежности грозило серьезными осложнениями для Булгарина и его друга. Однако, Булгарин имел сильного защитника в лице графа А. Х. Бенкендорфа. Записка Бенкендорфа об Обществе шубравцев, в составлении которой, судя по ее стилю, принимал участие Булгарин, стала на сторону друзей, и Император Николай I повелел „оставить сие дело без дальнейшего внимания“.

В пояснение текста письма приводим несколько строк из этой записки Бенкендорфа: „Дѣло сіе было изслѣдовано во всей подробности, и из оного открылось: 1) что Общество Шубравское никогда не было тайнымъ, но явнымъ сатирико-литературнымъ, ибо уставъ онаго былъ напечатанъ и Общество издавало журналъ; 2) что оно не было вреднымъ, ибо главные онаго члены и понынѣ находятся въ университетѣ и пользуются особеннымъ покровительствомъ г. Новосильцова; 3) что Булгарина и Греча

[1]) S. Orgelbranda Encyklopedja powszechna. Tom XIV, Warszawa. 1903, стр. 296.

сдѣлали почетными членами Общества единственно из литературной вѣжливости за ихъ сатирическія статьи, въ какомъ духѣ издавался журналъ Общества, и что ни Булгаринъ ни Гречъ не участвовали въ трудахъ Общества..." [1]).

Из этих слов видно, что под „шубравцем" Булгарин разумел остроумного сатирика.

А. Лященко.

---

[1]) Любопытная оффициальная переписка по делу об Обществе „шубравцев" и о поэме Мицкевича „Конрад Валленрод" напечатана Н. Дубровиным в сообщении, „Н. И. Греч, Ф. В. Булгарин и А. Мицкевич (Материалы для их биографий)" в „Русской Старине" 1903, т. 116, ноябрь, стр. 333—351.

А. Ф. ВОЕЙКОВ.

ДВА ПИСЬМА К ПОЭТУ ЯЗЫКОВУ.

„Прилагаю письмо Воейкова и имъ мнѣ присланную басню Измайлова", — писал своим братьям из Дерпта, 27-го апреля 1824 года, юный поэт Н. М. Языков. „Вы, я думаю, знаете, что Булгаринъ критиковалъ или, лучше, бранилъ Измайлова, что послѣдній отвѣчалъ тою же монетою, и что Булгаринъ отвѣчалъ же самою ругательною критикою съ епиграфомъ: *Чѣмъ тебя я огорчила*? Ети произшествія дали поводъ къ сочиненію посылаемой басни" [1])...

Упомянутое Языковым письмо до сих пор не было известно; мы можем теперь сообщить его по подлиннику, находящемуся в Пушкинском Доме и интересному, между прочим, тем, что в нем упоминается об одном неизвестном нам письме Пушкина к брату с восторженным отзывом о Языкове. Вот это письмо Воейкова, долголетнего редактора „Русского Инвалида", — за четыре года перед тем оставившего кафедру Русского языка в Дерптском Университете и покинувшего Дерпт вместе с женою своею, Александрою Андреевною („Светланою" Жуковского), предметом нежных чувств молодого Языкова [2]):

---

[1]) Языковский Архив. Вып. 1-й. Письма Н. М. Языкова к родным... Под редакцией и с объяснительными примечаниями Е. В. Петухова, С.-Пб. 1913, стр. 133.

[2]) Ср. „Радугу" 1922 г., стр. 67, в статье А. С. Полякова.

Любезнѣйшій Николай Михайловичь!

Спѣшу порадовать вѣсточкой. На сей недѣлѣ молодой Лёвъ Пушкинъ получилъ письмо отъ славнаго своего брата изъ Одессы. Онъ читалъ намъ его при Ник. Дмит. Киселевѣ. Нашъ Бейронъ восхищается Вашими стихами и пророчествуетъ Вамъ мирты, розы, лиліи и вѣчнозеленые лавры. Киселевъ хотѣлъ писать объ этомъ подробнѣе.

Между тѣмъ, издатель Полярной Звѣзды и издатель Сѣверныхъ Цвѣтовъ задразнили меня: Вы имъ, вмѣсто крашеныхъ яицъ—прислали прекрасныхъ стихотвореній, а мнѣ ни яичка, ни гостинчика. За что я, древнѣйшій и лучшій другъ Вашей Музы, нахожусь у Васъ въ опалѣ? Порадуйте какою нибудь пригоженькою игрушечкою! а между тѣмъ позвольте напечатать стихи къ маленькой Катѣ Мойеровой, которые читалъ я у А[лександры] А[ндреевны].

Я бы писалъ къ Вамъ больше, но Вы не отвѣчаете. Это вѣрный признакъ, что Вамъ моя переписка не нравится. Прилагаю кабацизмами наполненную, однакожъ острую и колкую басню А. Е. Измайлова, написанную, какъ говорятъ, на Булгарина, Свиньина, Греча и А. А. Бестужева, котораго онъ называетъ — *дворняжкой-завирашкой*. Есть и другая: *Фадей съ фонаремъ*; но я не читалъ еще. Сообщите мною посылаемую почтенному Василью Матвѣевичу и скажите ему мое сердечное почтеніе. Прощайте.

В. п. с. А. Воейковъ.

$18\frac{IV}{21}24.$ С.П.Б. Пріѣзжайте лѣтомъ погостить въ Царское Село, Вы упадете прямо въ объятія къ Жуковскому, Барону Дельвигу и Воейкову и Вамъ будетъ добро! Понюхайте рускаго духу!

Письмо Воейкова вводит нас в круг литературных интересов 1824 года и требует некоторых объяснений. Лев Сергеевич Пушкин, тогда 18-летний недоросль без определенных занятий, не сберег упоминаемого Воейковым письма своего брата-поэта, — и это тем более досадно, что, сохранись оно до нас, — мы бы имели лишний отзыв Пушкина о Языкове, начало поэтической карьеры которого он так сочувственно приветствовал [1]) и кото-

[1]) См. Переписку Пушкина, Акад. изд., т. I, стр. 87, 99 (1823 и 1824 г.).

рой с такою прозорливостию сулил, как мы видим, „мирты, розы, лилии и вечнозеленые лавры". Н. Д. Киселев, который должен был писать Языкову подробнее о письме Пушкина, — старший товарищ Языкова по Дерптскому Университету, впоследствии посланник во Флоренции (ум. 1869), был лично знаком с Пушкиным. Издатели альманаха „Полярная Звезда" — К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев, а издатель „Северных Цветов" — барон А. А. Дельвиг, в сборнике которого на 1825 г. стихов Языкова, однако, не появилось. Стихи Языкова Кате Мойеровой (т. е. дочери Дерптского профессора И. Ф. Мойера от брака его с племянницей Жуковского — М. А. Протасовой, сестрой жены Воейкова, Александры Андреевны) — известное стихотворение 1824 года

Как очаровывает взоры
Востока чистая краса,
Сияя розами Авроры! и т. д.

Имена Измайлова, Булгарина, Свиньина, Греча и Бестужева напоминают нам о неглубоких литературных интересах 1824 г. и о полемике, возникшей между Булгариным и Измайловым. Первый из них привел в своем журнале „Литературные Листки" похвальный отзыв издателя „St. Petersburger Zeitschrift", Е. Ольдекопа, об Измайлове, как об отличном баснописце и строгом, но основательном критике, и выступил с возражениям против этого последнего суждения („Литер. Листки" 1824 г., № 4, стр. 141 — 143); Измайлов оскорбился словами Булгарина и резко возразил ему в своем журнале „Благонамеренный" (№ 5, стр. 368—375), на что Булгарин, в свою очередь, написал отповедь („Литер. Листки" 1824 г., № 6, стр. 233—239), довольно ядовитую и остроумную, а затем справедливо укорил Измайлова за „исправление" стихов В. А. Озерова при их новом издании (№ 8, стр. 314—319). Измайлов полемизировал и дальше (№ 9, стр. 218—219), раньше же написал на Булгарина басню: „Фадей с фонарем" [1]), — в которой, намекая на рисунок фонаря, помещенный на обложках „Литературных Листков" Булгарина, и на отдел его журнала „Волшебный фонарь", представил его в смеш-

[1]) Она датирована как раз 14—15-м апреля 1824 г.: см. текст сказки в „Русск. Стар." 1875 г., т. XIV, стр. 751; за нею последовала сказка „Фадей Судья" (30—31-го мая 1824), „Песня" („Пусть задорный наш Фадей"...), „Эпиграмма" („Ну, исполать Фадею"...) и стих. „Сленина Лавка", где опять задет Булгарин (там-же, стр. 751—754).

ном виде, упомянув попутно Греча, Свиньина и Бестужева („Александра-Колотушку"). Эту сказку, вероятно, и послал Воейков Языкову, не зная, быть можетъ, что она-то и называлась „Фадей с фонарем"; по крайней мере другой „кабацизмами наполненной" сказки Измайлова на Булгарина, относящейся к марту—апрелю 1824 г., мы не знаем [1]).

Упоминаемый Воейковым „почтенный Василий Матвеевич" — Перевощиков, профессор Русского языка в Дерптском Университете (1820—1830), преемник и заместитель Воейкова на кафедре [2]).

Второе письмо Воейкова к Языкову (мы печатаем его по старинной копии, а не по подлиннику) написано почти четырнадцать лет спустя после первого, когда слава Языкова, как поэта, была в своем зените, а сам он, борясь с неизлечимым недугом и медленно и в страданиях приближаясь к своему концу, собирался ехать за-границу, к немецким докторам. „Сборник на 1838 год" со статьями наиболее известных тогда литераторов, предположенный к изданию в пользу Воейкова в его новой типографии, вышел в 1838 году [3]). Языков не прислал для него ничего; до сих пор не известны и те „20 или 30" писем и записочек Языкова к Воейкову, о которых упоминает последний: архив Воейкова погиб бесследно... Приведенные в конце письма Воейкова стихи — отрывок из знаменитой его сатиры — „Дом сумасшедших", — в тексте, почти буквально совпадающем с тем, который дан в лучшем издании этого знаменитого памфлета — под редакцией И. Розанова и Н. Сидорова [4]). В этом произведении, остроумном, но пропитанном желчью и язвительной злобой, сказался весь Воейков, — по определению И. С. Тургенева (видавшего его однажды на литературном вечере у Плетнева) — „хромоногое и как бы искалеченное, полуразрушенное существо,

---

[1]) Позднейшие выпады Измайлова на Булгарина и упоминание о его фонарѣ, см., напр., в письме Измайлова к гр. Д. И. Хвостову, 1829 г., и в стихах „До рассвета поднявшись"... — „Русск. Стар." 1890, № 6, стр. 675, 676—678.

[2]) Из писем его к Воейкову 1824—1827 гг. — см. „Русск. Арх." 1890 г., кн. III, стр. 89—94.

[3]) Живой рассказ И. П. Сахарова об обеде у Воейкова 6-го ноября 1837 г. по случаю открытия его типографии и о сборнике см. в „Русск. Арх." 1873 г., кн. II, ст. 941—949; ср. „Русск. Стар." 1904 г., № 6, стр. 571, и „Русск. Арх." 1900 г., кн. I, стр. 383, а также Отч. Имп. Публ. Библ. за 1891 г., С.-Пб. 1894, прилож., стр. 3 и след.

[4]) В серии „Универсальной Библіотеки" В. Антика, Москва, № 537.

с повадкой старинного подъячего, желтым, припухлым лицом и недобрым взглядом черных, крошечных глаз“ [1]).

Вот второе письмо Воейкова:

Отъ 5 января 1838 года.
С.-Петербургъ.

Не забыли ль Вы, сіятельнѣйшій, свѣтлѣйшій, лучезарнѣйшій Николай Михайловичъ, бумагомарашку Воейкова, дряхлаго редактора Русскаго Инвалида, Новостей Литературы, Славянина, Литературныхъ Прибавленій, эксъ-профессора Дерптскаго Университета, въ которомъ засвѣтилась Ваша слава? Вотъ вопросъ, сдѣланный мною Вамъ въ началѣ моего письма, вопросъ, на который, не дожидаясь Вашей отписки, отвѣчалъ я самъ себѣ: можно ль забыть человѣка, который первый пророчествовалъ мнѣ славу и благословилъ въ трудную дорогу на Парнасъ? Статочное-ли дѣло забыть того, съ именемъ котораго соединено воспоминаніе о золотыхъ годахъ моей бурной, огненной молодости?

И такъ, Вы меня помните, и я имѣю право отнестись къ Вамъ, какъ къ человеку мнѣ близкому, хотя между нами тысяча вёрстъ разстоянія.

Вотъ въ чемъ, дѣло: 6-го минувшаго Ноября, въ день ангела покойной Александры Андреевны [2]), я открылъ свою типографію и, по этому случаю, далъ обѣдъ всѣмъ благороднымъ и благомыслящимъ Петербургскимъ писателямъ, разумѣется, кромѣ *Булгарина* и *Сеньковскаго*. Послѣ обѣда, когда сердца, размоченныя креманомъ [3]), сдѣлались нѣжнѣе, историкъ походовъ 1813 и 1814, генералъ *Данилевскій*, и молодой редакторъ Лит. Прибавленій *Краевскій* [4]) предложили подарить хозяину по статьѣ; съ тѣмъ, чтобы эти статьи (въ стихахъ и прозѣ) напечатать въ книгѣ, похожей на Смирдина Новоселье, и назвать ее *Сборникъ*. Сказано, сдѣлано.

Теперь *Сборникъ* печатается; но онъ будетъ и скученъ, и тёменъ, и плохъ, если Вы, по старой памяти, не подарите его двумя, или хоть однимъ своимъ стихотвореніемъ.

---

[1]) Сочинения, изд. 5-е, т. X, стр. 9.

[2]) Воейковой, жены Александра Федоровича.

[3]) Сорт шампанского — см. „Радугу“ 1922 года, стр. 123.

[4]) 35 писем Воейкова к А. А. Краевскому, от 1836—1839 гг., напечатаны в приложениях к Отчету Имп. Публичной Библиотеки на 1891 г., С.-Пб. 1894.

Власть Ваша дать и не дать стиховъ; но Вы меня обяжете, если пришлете письменный отказъ, умышленно подсластя его сахарными вѣжливостями, и я сберегу этотъ отказъ, какъ сберегаю 20 или 30 Вашихъ писемъ и записочекъ для моихъ посмертныхъ сочиненій. Вѣдь это наличныя деньги, богатое наслѣдство дѣтямъ моимъ!

А лучше бы потѣшить беззубаго, безногаго и безграмотнаго старика

Воейкова.

Вотъ въ порожней бочкѣ винной
Цѣловальникъ Полевой,
Безпорточный ** и безчинный...
„Сталось что съ его башкой?“
Смѣсь съ корыстью въ ней столкнулись —
И отъ натиска того
Вверхъ ногами повернулись
Умъ и сердце у него.

***

Самохвалъ, завистникъ жалкій,
Надувало ремесломъ,
Битый Рюриковой палкой
И Санскритскимъ батожьёмъ;
Подлъ, какъ рабъ, надутъ, какъ баринъ,
Онъ, чтобъ вкратцѣ кончить рѣчь:
Благороденъ, какъ Булгаринъ,
Безкорыстенъ такъ, какъ Гречъ.

Так писал „беззубый, безногий и безграмотный“ старик-Воейков, клеймя своих литературных врагов; но он обладал несомненным и развитым литературным вкусом, и хотя не понимал Белинского[1]), но сразу оценил дарование Кольцова и при-

---

** (Sans-culotte).

[1]) „Он малый действительно весьма умной, с талантом, но бедовая голова, увлекся в какую-то односторонность, и эта система его погубила“, — говорил он Кольцову в марте 1838 г. Сочинения, ред. А. И. Лященка, 3-е изд. Академии Наук, 1911, стр. 181.

влек его в свой вышеупомянутый „Сборник на 1838 год“. „Владиславлев, Жуковский, Воейков затевают новый журнал на акциях“, писал поэт-прасол Белинскому 14-го марта 1838 г. „Воейков слишком меня просит дать ему еще стихов в другой сборник; сам завез третьего дни в подарок Муравьева „Странствования“ три книги; а вот сейчас был, — завез „Елену“ Бернета... Что мне с ним делать, пожалуйста скажите“ [1]).

Через год — 16-го июня 1839 г. — Воейков умер.

Б. Модзалевский.

---

[1]) Там-же, стр. 182—183, 324.

ЖУКОВСКИЙ.

ЗАПИСКА К Н. И. ГНЕДИЧУ.

[Лѣто 1825 г. Петербургъ].

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ приглашаетъ меня нынче послѣ обѣда на чай — никакъ не возможно! Увѣдомь прошу тебя его объ этомъ — и скажи нельзя ли нам устроить нашего чайничества во вторникъ или въ середу? NB однако; можетъ быть поѣду на поклонъ къ Иматрѣ, въ такомъ случаѣ предувѣдомлю тебя.

Чтеніе завтра. Являйся въ 7 часовъ. Прочіе всѣ въ это время будутъ. Увѣдомь Дельвига и Баратынскаго.

Ж.

Я все что надобно выбросилъ.

На оборотѣ: Н. И. Гнѣдичу.

Приведенная записочка Жуковского пополняет серию уже известных в печати писем поэта к Николаю Ивановичу Гнедичу (Сочинения Жуковского, изд. 7, т. VI, стр. 445—450, и изд. 10, стр. 218—219; „Книжки Недели“ 1896 г., январь, стр. 8—9 и Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1895 г., стр. 236) [1]). Она не датирована, но, судя по содержанию, должна быть отнесена к лету 1825 г.; писана она в Петербурге, где тогда находился С. Л. Пушкин, собиравшийся ехать на морские купанья в Ревель; Жуковский в это время был также в Петербурге, куда из Финляндии приехал и опальный Боратынский, только что получивший прощение и офицерский чин (21-го апреля 1825 г.), а барон Дель-

[1]) Письма Гнедича к Жуковскому см. в „Русск. Арх.“ 1875 г., кн. III, стр. 364—365 и в „Русск. Стар.“ 1903 г., № 7, стр. 117—121.

виг, будучи женихом С. М. Салтыковой и нежно в нее влюбленный, жил то в Царском-Селе, то в городе[1]).

Пушкин-отец приглашал к себе Жуковского, быть может, для беседы о сыне-поэте, который в это время жил в своем Михайловском изгнании, между тем как мать и друзья его хлопотали о нем и были обеспокоены его аневризмом, при чем Жуковский устраивал приезд в Михайловское своего друга и родственника, известного Дерптского хирурга — профессора И. Ф. Мойера[2]). Известно вообще то постоянное участие, которое Жуковский принимал в судьбе Пушкина в продолжение всей его жизни и даже по смерти; два письма его к отцу поэта, по поводу смерти его (не говоря об известном в печати большом письме, с описанием всех обстоятельств, ей предшествовавших), напечатаны были нами в сборнике „Пушкин и его современники", вып. VIII, стр. 56—57 и 69—70. Что касается Боратынского, в судьбе которого Жуковский сыграл также благодетельную роль (см. письма его 1824 г. о Боратынском к князю А. Н. Голицыну в „Русском Архиве" 1868 г., ст. 156—160), то он был в дружеских отношениях с Гнедичем, к которому обратил два послания (1822 и 1823 г.). Две записки Жуковского к Дельвигу напечатаны в „Русском Архиве" 1891 г. (кн. II, стр. 364). О дружеских отношениях Жуковского и Гнедича и Дельвига и Боратынского распространяться не приходится: они общеизвестны.

Б. Модзалевский.

---

[1]) См. статью М. Л. Гофмана в „Сборнике Пушкинского Дома на 1923 г.", стр. 78—96.

[2]) Переписка, Акад. изд., т: I, стр. 216 и след.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР.

ОБОЗРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1824 ГОДА.

В 1824 году В. К. Кюхельбекер выступил в качестве журнального критика. В этом году он издавал, вместе с В. Ф. Одоевским, литературный альманах „Мнемозина". Альманах этот выходил частями (в 1824 г. вышло 3 части, четвертая появилась уже в 1825 г.) и представлял собою по содержанию и характеру статей переходную форму, приближавшую его к периодическому журналу. С самого начала „Мнемозина" приняла вызывающий тон и вокруг нее создалась оживленная журнальная полемика, при чем на нападки журналов очень резко отвечали на страницах „Мнемозины" ее издатели. В „Мнемозине" же помещены литературно-критические статьи Кюхельбекера, в которых он восставал против элегии в защиту оды. Статьи эти вызвали оживленный обмен мнений в печати и оставили след в литературном сознании 20-х годов. Пушкин неоднократно возвращался к этим статьям Кюхельбекера (в „Евгении Онегине" и журнальных заметках).

Будучи вовлечен в журнальную жизнь, Кюхельбекер пристально следил за ее движением в 1824 году. Результатом этого внимательного интереса и является печатаемый здесь документ.

МИНУВШАГО 1824 ГОДА ВОЕННЫЯ, УЧЕНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫЯ СОБЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Январь. Второе появленіе Полярной Звѣзды; астрономическія наблюденія надъ оною въ Вѣстникѣ Европы. Отрывки изъ Комедіи Князя Шаховскаго: Аристофанъ. — Явная война Роман-

тиковъ и Классиковъ, равно образовавшихся въ школѣ Карамзина.—Бахчисарайскій Фонтанъ Пушкина; 1-ое сраженіе при ономъ или разговоръ Издателя съ Классикомъ.—Книгопродавцы и Публика берутъ сторону Пушкина: Классики не смѣютъ напасть на самую Поэму.

Февраль. Жуковскій предаетъ Замокъ Смалькгольмъ на расхищеніе Критики, но Критика упускаетъ оный. Второе сраженіе при Бахчисарайскомъ Фонтанѣ или Стихотворцы Вѣстника Европы не хотятъ быть Прозаиками.

Примѣчаніе. Главные предводители обѣихъ враждующихъ сторонъ.

1) Старшина классиковъ

Каченовскій, человѣкъ, пользующійся славою учености, колокъ, остеръ, язвителенъ, но неодаренъ ни способностію чувствовать и понимать прекрасное, ни охотою отдавать справедливость людямъ, превышающимъ его дарованіями.

2) Мерзляковъ, нѣкогда довольно счастливый лирикъ, изрядный переводчикъ древнихъ, знатокъ языковъ Русскаго и Славянскаго, пріобрѣтшій имя сочиненіями по части Ѳеоріи Словесности, но отставшій по крайней мѣрѣ на 20 лѣтъ отъ общаго хода ума человѣческаго и посему врагъ всѣхъ нововведеній—выдерживаетъ нападеніе Кн. Одоевскаго и не отвѣчаетъ на оное.—

3) А. Измайловъ также Классикъ, простодушенъ, дюжъ, забавенъ, откровененъ, не лишенъ веселости.—

4) Жуковскій и Пушкинъ, Корифеи Романтиковъ,—Поэты и Поэты съ истиннымъ, не ежедневнымъ дарованіемъ. Слава Жуковскаго упадаетъ примѣтно, Пушкина возрастаетъ.—Первый не вмѣшивается, вторый почти не вмѣшивается въ Полемику.—

Avis aux poêtes!

5) Кн. Вяземскій, начальникъ передоваго войска Романтиковъ, Издатель Бахчисарайскаго Фонтана.

6) Классики ему противоставятъ М. Дмитріева и Писарева.

Сраженія въ Вѣстникѣ Европы и Дамскомъ Журналѣ быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Дамскій Журналъ получаетъ нѣкоторую заманчивость.

Литтературные Листки. Споръ съ Кн. Вяземскимъ о преимуществѣ басень Крылова передъ баснями И. И. Дмитріева. Вооруженный Неутралитетъ Булгарина въ войнѣ Издателя Бахчи-

сарайскаго Фонтана съ Вѣстникомъ Европы: переходъ на сторону послѣдняго.—

Преимущество Кн. Вяземскаго передъ Классиками состоитъ въ одной новой мысли, единственной въ продолженіи всѣхъ сихъ утомительныхъ состязаній. „Нѣкоторые древніе Поэты скорѣе бы признали великихъ Романтиковъ своими товарищами, нежели нашихъ мнимыхъ Классиковъ". Но онъ и его противники сбиваютъ двѣ совершенно разныя школы — истинную Романтику (Шекспира, Кальдерона, Аріоста) и недоговаривающую Поэзію Байрона.

Верстовскій. Черная Шаль. Нападки на нее Вѣстника Европы; къ счастію Публика вѣритъ не всѣмъ вѣстямъ сего Вѣстника.

Мартъ. Мнемозина I часть.

Кюхельбекеръ передается Славянофиламъ.

Строгая Критика, которой подвергается ГГ. С., В. и Булгаринымъ обвертка Мнемозины.

Междуусобія продолжаются.

Апрѣль. Жуковскій издаетъ третьимъ тисненіемъ свои стихотворенія: Шиллерова Іоанна д'Аркъ. Первая Романтическая Трагедія въ стихахъ на Русскомъ языкѣ.

Май. Учитель и Ученикъ, водвиль Писарева или злоупотребленіе имени великаго человѣка (Шеллинга) въ ничтожномъ произведеніи. Война за ГГ. Головиныхъ, или переливка изъ пустаго въ порожное.

Іюнь. Парнасскіе каникулы. Поэма Олина: Альтосъ.

Іюль. Вторая часть Мнемозины. Совершенное пораженіе и приведеніе въ безмолвіе Кн. Одоевскимъ ГГ. В. и Воейкова.— Афоризмы Кн. Одоевскаго, или намѣреніе самое благородное и высокое, но...!

Елладій—повѣсть его же, или лица, могущія существововать въ одномъ воображеніи молодаго человѣка.

Прологъ къ Аргивянамъ Трагедіи съ Хорами и первыя военныя дѣйствія Кюхельбекера противу Элегическихъ стихотворцевъ и Эпистоликовъ — впрочемъ онъ отнюдь не соединяется съ ГГ. Классиками.

Августъ. Булгаринъ заставляетъ говорить Мнемозину нелѣпости, о которыхъ она и не думала, не смотря на то, онъ отъ части раздѣляетъ мнѣнія оной.—

Германо-Россы и Русскіе Французы прекращаютъ свои междуусобицы, чтобъ не (?) соединиться имъ противу Славянъ, равно

имѣющихъ своихъ Классиковъ и Романтиковъ: Шишковъ и Шихматовъ могутъ быть причислены къ первымъ; Катенинъ, Г..., Шаховской и Кюхельбекеръ ко вторымъ.

Сентябрь. Война за Герцогство Косельское или Кассельское и за опечатки ГГ. Булгарина и Ѳеодорова. Благонамѣренный Чертополоховъ.

Октябрь. Булгаринъ бывшій Издатель Варшавскаго Свистка, настоящій—Сѣвернаго Архива и Литературныхъ Листковъ утонулъ [(см. Лит. Лист.)] съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ у Чукчей издавать Журналъ *Патріотъ*.

Нападательный и оборонительный Союзъ Греча и тѣни Булгарина, или два Издателя трехъ журналовъ, въ слѣдствіи сего ихъ скромность и благоразуміе въ отношеніи къ своему Калужскому Поклоннику.

Разговоръ ГГ. Булгарина и Кюхельбекера въ 3 части Мнемозины. Благонамѣренный. Мнемозина и Дамскій Журналъ (послѣдніе два не прекращая своей войны за ГГ. Головиныхъ)—возстаютъ на Калужскаго Поклонника.

Ноябрь. Восточная Лютня Младшаго Шишкова — подражателя Пушкина. Несчастное наводненіе Петербурга и посланіе и оды *на сей случай* Графа Хвостова.

Настоящее Обозрение написано рукой В. К. Кюхельбекера в одной из его тетрадей, принадлежащих Пушкинскому Дому (из бумаг В. П. Гаевского [1]). Очевидно, он готовил его к печати, так как сохранилась первоначальная черновая редакция половины (последней) этого обозрения среди бумаг князя Одоевского, относящихся к „Мнемозине“ (Дашковское собрание). Судя по тому, что обозрение обрывается на ноябре, его можно датировать декабрем 1824 года. Возможно, что подготовлялось оно для IV части „Мнемозины“, что и объясняет нахождение его черновика в бумагах Одоевского.

Обозрение это любопытно, как отражение в представлении Кюхельбекера журнальной литературы 1824 года. Основной

---

[1]) Рукой В. К. Кюхельбекера, собственно, написано Обозрение с января по апрель. Конец переписан рукой Одоевского, однако черновик Дашковского собрания доказывает, что Одоевский писал с рукописи Кюхельбекера. Такъ какъ копия Одоевского не имеет значительных отличий от чорнового автографа Кюхельбекера, то весь текст дан по автографу. Слова, отсутствующие в автографе, но имеющиеся в копии Одоевского, заключены в прямые скобки.

чертой ее он считает войну, борьбу между разными лагерями. Намечает он два главных фронта. В первую очередь разыгрывается раскол литературы на классиков и романтиков. Но независимо от этой группировки, Кюхельбекер отмечает разделение писателей на Славянофилов и Западников (которых называет Германо-Россами и Русскими Французами). Себя он причисляет к романтикам из Славянофилов. (Г... вероятно Грибоедов).

Не вполне покрываются этими разделениями постоянные нападения Кюхельбекера на Булгарина, на „Дамский Журнал" и др., носящие более личный характер журнальной полемики. Наиболее крупными литературными фактами, отмечаемыми Кюхельбекером, являются — полемика, вызванная предисловием Вяземского к „Бахчисарайскому Фонтану", и отражение в журнальной литературе появления первых 3-х частей „Мнемозины".

Предисловие Вяземского к „Бахчисарайскому Фонтану" (вышедшему в свет 10-го марта 1824 г. См. Н. Синявский и М. Цявловский, „Пушкин в печати", № 96), написанное в форме „Разговора между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова", вызвало в „Вестнике Европы" ответ: „Второй разговор между Классиком и Издателем Бахчисарайского Фонтана", написанный М. А. Дмитриевым. На это в свою очередь ответил Вяземский в „Дамском Журнале",—и полемика затянулась, так как М. А. Дмитриев не оставил статьи Вяземского без ответа и вызвал новый ответ Вяземского. По поводу этой полемики в „Литературных Листках" Булгарина появилась заметка, в которой высоко оценен М. Дмитриев и сделан сатирический выпад против литературной нетерпимости друзей Вяземского и Пушкина. В этой заметке очевидно и усмотрен был Кюхельбекером переход Булгарина на сторону „Вестника Европы".

Внимательно следит Кюхельбекер за журнальной полемикой, разыгравшейся в связи с выходом выпусков „Мнемозины". Первый выпуск был встречен строгими отзывами в „Новостях Литературы" (В., т. е. Воейков), в „Сыне Отечества" (за подписью С.) и в „Литературных Листках", издававшихся Булгариным. В этих отзывах рецензенты, между прочим, придирчиво судили о внешности „Мнемозины". На критику С. отвечал во II части „Мнемозины" Кюхельбекер, а Одоевский отпарировал разбор В., сопоставляя его критические требования с поэтической практикой самого Воейкова. Булгарин особенно яро поле-

мизировал с „Мнемозиной“ и в самой „Мнемозине“ было помещено несколько ответов на его нападки, как Кюхельбекером, так и Одоевским. В „Сыне Отечества“ полемика против „Мнемозины“ облеклась в письмо некоего Калужского Корреспондента (может быть А. А. Писарева), о чем и упоминает в своем обозрении Кюхельбекер.

Среди других литературных фактов, упоминаемых в Обозрении, отмечу появление „Полярной Звезды“ на 1824 г. (вышла она в конце декабря 1823 г.). Появление ее было встречено рядом статей в „Вестнике Европы“, при чем первая статья вся была построена на каламбурах и выдержана в стиле астрономических наблюдений. Так, виньетка „Полярной Звезды“ (сочетание Звезды с Лирой) вызывало замечания: „Звезда в Лире, именем Вега, есть действительно первой величины, но между ею и Полярною Звездою расстояние весьма велико“ и т. д. Именно на этот „астрономический“ тон статьи и намекает Кюхельбекер [1]).

„Учитель и ученик, или в чужом пиру похмелье“ — опера-водевиль, переделанная с французского А. И. Писаревым, была поставлена 24 апреля 1824 г. с участием Щепкина, который исполнял роль немца-воспитателя, по фамилии Шеллинга. Хотя эта роль — чисто комическая — никакого отношения к философу Шеллингу не имела, однако Кюхельбекер самое пользование этим именем счел за профанацию. В конце водевиля этот Шеллинг пел куплеты, в которых видели намек на полемику Вяземского с Дмитриевым.

Под поэмой В. Н. Олина „Альтос“ очевидно разумеется его оссианическая поэма „Оскар и Альтос“ (изд. 1823 г.). Ныне забытая литературная деятельность Олина привлекала в свое время внимание.

Смысл замечания о герцогстве Косельском или Кассельском раскрывается следующей заметкой, помещенной в июльском № „Литературных Листков“ (стр. 34—35, подпись Н. П.: „Письмо к приятелю из Опочки“): В „Отечественных Записках“ (№ 50, 1824 года) приведена выписка из С.-Петербургских Ведомостей 1737 года июля 7 дня, где сказано: что Его Цесарское Величество Римской, Его Светлейшего Князя пожаловал в Силезии лежащим

---

[1]) В „Полярной Звезде“ появились отрывки из „Аристофана“, комедии Шаховского. Другие отрывки из этой комедии позже напечатаны в „Мнемозине“, защищавшей Шаховского от нападок критики.

Герцогством Косель". Всем известно, что Император Карл VI пожаловал князю Александру Даниловичу Меншикову звание или титул герцога или князя Козельского, и я полагал, что почтенный издатель в объяснении своем поправит ошибку старой газеты, и скажет только, что по немецкому произношению город называется Козель, ибо немецкая буква s между гласными произносится как русское з. Но сколь велико было мое удивление, когда Г. Издатель объяснил, что князь Меньшиков пожалован был от императора герцогством Кассельским! Неужели это опечатка?"

Упоминание Верстовского в связи с „Черной Шалью" объясняется тем, что в Московском театре были поставлены инсценированные кантаты Верстовского, из которых наибольшее впечатление произвела кантата на слова Пушкина „Черная Шаль". По поводу этих постановок в № 1 „Вестника Европы" появились две заметки: одна, подписанная Одоевским, другая Н. Д. Отдавая справедливость музыке Верстовского, последний жестоко нападал на текст кантаты, находя его недостойным музыкальной интерпретации, особенно в форме кантаты.

„Восточная Лютня" Ал. Шишкова (младшего)—сборник стихов, появившийся в конце 1824 г. (ценз. разр. 23-го октября). Среди стихотворений сборника, главным образом на Кавказские мотивы, помещена поэма „Дагестанская Узница", по стиху, теме и даже по многим внешним деталям (напр., по характеру примечаний, объясняющих местные слова), являющаяся сколком с „Кавказского Пленника". Кроме того, в сборнике помещены отрывки из сказочной поэмы „Ратмир и Светлана", действие которой происходит при дворе князя Владимира (поэма начинается с описания пира), и в которой появляются в качестве героев Рогдай и Ратмир. Все это, в связи с общим стилем поэмы, дает основания для сближения ее с „Русланом и Людмилой".

Полемика с „Дамским Журналом" о Головиных, упоминаемая Кюхельбекером, имеет следующее происхождение: в „Мнемозине" был напечатан отрывок из поэмы „Искусство Любить", за подписью „Вас. Головин". При этом в примечании к подписи автор обращал внимание, что существует другой Головин, почему, во избежание смешения, он и намеревается впредь подписывать свои произведения с обязательным указанием имени. Этот другой Головин обиделся и поместил в „Дамском Журнале" эпиграмму на „Искусство Любить", сопроводив ее обширным примечанием („Дамский Журнал" 1824 г., № 7, стр. 26—30), где в раздражен-

ном тоне говорит о „Мнемозине“ и в конце называет Одоевского, Кюхельбекера и других (среди которых помещает для вящшей беспристрастности и себя)—ничтожными звездочками, которые можно рассмотреть только в микроскоп. Одоевский в „Мнемозине“ подхватил и высмеял идею наблюдения звезд в микроскоп. В защиту Головина выступил князь Шаликов в июльском выпуске „Дамского Журнала“ (№ 11), и к этой же теме на страницах того же журнала (№ 25) вернулся некто Н. Мгл из Одессы.

Б. Томашевский.

ПУШКИН.

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО К БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ.

Милый мой, на дняхъ разсердясь на тебя и на твое молчаніе, написалъ я Веневитинову суровое письмо — Извини: у насъ была весна, оттепель—и я ни слова отъ тебя не получалъ около двухъ мѣсяцовъ — по неволѣ взбѣсишься. Теперь у насъ опять морозъ, весну дуру мы опять справадили, отъ тебя письмо получено—все слава Богу благополучно. Жду Цыгановъ, и тотчасъ тисну — Ты пѣняешь мнѣ за Моск. вѣстникъ — и за нѣмецкую Метафизику. Богъ видитъ какъ я ненавижу и презираю ее; да что дѣлать! собрались ребяты теплые, упрямые; попъ свое, а чортъ свое—Я говорю: Господа, охота вамъ изъ пустова въ порожнее переливать — все это хорошо для Нѣмцовъ пресыщенныхъ уже положительными познаніями, но мы..... — Моск. Вѣстн. сидитъ въ ямѣ, и спрашиваетъ: веревка вещь какая? (Впрочемъ на этотъ метафизической вопросъ можно бы и отвѣчать, да NB). А время вещь такая, которую съ никакимъ Вѣстникомъ не стану я терять. Имъ-же хуже если они меня не слушаютъ —

Левъ былъ здѣсь — малый проворный, да жаль что пьетъ. Онъ задолжалъ у Вашего Andrieux 400 рублей и ублудилъ жену гарнизоннаго маїора. Онъ воображаетъ что имѣніе его разтроено и что изтощилъ всю чашу жизни. Ѣдетъ въ Грузію, чтобъ обновить увядшую душу — Уморительно.

Плетневъ, нашъ мизантропъ, пишетъ мнѣ трогательное письмо; жалуется на меня, на тебя, на твой Гранъ пасіансъ и говоритъ: Мнѣ страшно думать: это люди! Плетневъ, душа моя! что тутъ страшнаго? люди — сирѣчь дрянь, г<...>о. Плюнь на нихъ да и квитъ.

Скорѣй же Цыгановъ — да что твои Цвѣты цвѣточки.

Наоборотъ: Его Высокородію Барону Дельвигу.

2 Марта.

Запечатано краснымъ сургучомъ съ отпечаткомъ перстня-талисмана; рядомъ — такая же, но большая, печать съ гербомъ барона Дельвига (подъ которымъ — маленькая эмблематическая лира).

Трудно, даже невозможно выказать всего себя на небольших двух страничках ярче и полнее, чем сделал это Пушкин в приведенном выше, недавно найденном нами и впервые теперь печатаемом письме к ближайшему и любимейшему своему другу, барону Антону Антоновичу Дельвигу. Весь искристый блеск своего ума, все прямодушие нрава, все, по выражению князя П. А. Вяземского, „непомерное добросердечие и простосердечие", добродушную шутливость и в то же время глубокую мудрость, тонкую наблюдательность и знание человеческой натуры выразил он в этих немногих дружеских строках. Без преувеличения можно сказать, что новое письмо Пушкина к Дельвигу—одно из наиболее блестящих писем всей его замечательной переписки, — этого удивительного литературного памятника, никогда не меркнущего фейерверка мыслей и чувств...

Письмо писано из Москвы; оно не имеет на себе даты года, но последний легко определяется и из содержания самого письма и из сопоставления его с дошедшими до нас двумя письмами Дельвига к поэту; в первом из них, относящемся к концу февраля 1827 г.[1]) и разошедшемся с письмом Пушкина, ныне публикуемым, Дельвиг писал своему другу, что „Цыганы" доставлены им Бенкендорфу и скоро будут печататься, что „нынче" он будет обедать у родителей поэта и провожать отъѣзжающего на Кавказ брата его Льва Сергеевича, которому А. П. Керн совершенно „вскружила голову", и что, узнав о намерении поэта жениться[2]), он благословляет его на этот шаг. Второе письмо Дельвига — от 21-го марта 1827 г. (Переписка, т. II, стр. 13—14) — служит прямым ответом на новое письмо Пуш-

---

[1]) Переписка, Акад. изд., т. II, стр. 3; здесь оно отнесено к середине января 1827 г., что̀ неверно, так как Дельвиг пишет, что доставил Пушкинских „Цыган" Бенкендорфу, а это он сделал при письме лишь от 23-го февраля (см. Дела III Отделения о Пушкине, стр. 42).

[2]) Тогда был разговор о женидьбе Пушкина на Софье Федоровне Пушкиной.

кина; оно настолько характерно и содержательно, что мы приводим его целиком:

Милый другъ, бѣднаго Веневитинова ты уже, вѣроятно, оплакалъ. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединеніе прекрасныхъ дарованій съ прекрасною молодостью. Письмо твое ко мнѣ или обо мнѣ не дошло до меня, только оно дало пищу больному воображенію несчастнаго друга. Онъ бредилъ объ немъ и все звалъ меня. Въ день его смерти я встрѣтился съ Хвостовымъ и чуть было не разругалъ его, зачѣмъ онъ живетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смерть неразборчива или жадна къ хорошему. Сколько людей можно-бы ей указать. И какъ бы она могла быть полезна и приятна. Не тутъ-то было. Ей, вѣрно, хочется насъ увѣрить, что она слѣпа, какъ Амуръ — дура.

Благодарю тебя за вѣсти обо Львѣ. Я, читая письмо твое, живо видѣлъ его влюбленнаго и пресыщеннаго жизнію. Для того, думаю, ему полезенъ будетъ Кавказъ и Армейской полкъ. Пускай потрется, поживетъ, узнаетъ, съ кѣмъ онъ шутитъ, то-есть, жизнь. Ему только того и не достаетъ, чтобъ быть совершенно милымъ. И пьетъ онъ, какъ я замѣтилъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ вину. Онъ толку въ винѣ не знаетъ, пьетъ, чтобы перепить другихъ, и я никакъ не могъ убѣдить его, что это смѣшно. Ты также молодъ былъ, какъ нынѣ молодъ онъ, помнишь, сколько изъ молодечества выпилъ лишняго: пускай и онъ пьетъ, онъ пьяницей не будетъ. У него умъ ростетъ еще и ростетъ хорошо. Увидишь, каковъ выростетъ.

Надѣюсь „Цыгановъ“ получить отъ тебя одинъ экземпляръ. Довольно съ тебя будетъ, что я „Онѣгина“ вторую главу ждалъ долго понапрасно и купилъ. „Цвѣты“ получишь на будущей недѣлѣ, теперь переплетаются. Прощай, обнимаю тебя.

Дельвигъ.

21-го Марта.

В объяснение письма Пушкина скажем еще, что упоминаемого в нем юного, прекрасного Веневитинова оно застало уже при дверях гроба: только что приехав в Петербург и заболев горячкою, он скончался 15-го марта. Упоминаемое Пушкиным суровое письмо его к Веневитинову не дошло до нас, а может быть, судя по вышеприведенным словам Дельвига, и до него самого. „Цыганы“, пропущенные цензором П. И. Гаевским еще 10-го декабря 1826 г., вышли в свет лишь около 15-го мая. Суждение Пушкина о „Московском Вестнике“ и Немецкой ме-

тафизике, проводником которой должен был стать этот новый журнал, очень любопытно и ценно своею откровенною прямотою и недвусмысленным сравнением „теплых и упрямых“ сотрудников „Московского Вестника“ с знаменитым героем Хемницеровской басни „Метафизик“, которую Пушкин и пародирует. Метафизик этот, как помнит читатель,

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, —

внезапно упал в яму и на слова отца, бросившего ему веревку со словами: „Ухватися, я потащу тебя, смотри, не оборвися“,— отвечал:

„Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ:
Веревка вещь какая? —
Отецъ хоть былъ и не ученъ,
Да отъ природы былъ уменъ.
Вопросъ дурацкій оставляя,
„Веревка вещь, сказалъ, такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ“.
— На это бъ выдумать орудіе другое,
А это слишкомъ ужъ простое. —
„Да время надобно“, отецъ ему на то:
„А это, благо, ужъ готово“. —
А время что? —
„А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
Сиди“, сказалъ отецъ: „пока приду опять“...

Это шутливое сравнение редакции „Московского Вестника“ с тупым резонёром вполне и окончательно определяет взгляд Пушкина на дело, к которому его старался привлечь кружок Московских любомудров-шеллингианцев, поклонников трансцендентальной философии; поэт вообще не был любителем туманных отвлеченностей; по крайней мере, через день после написания своего письма Дельвигу он и пришедшему к нему Погодину „декламировал против философии“, при чем Погодин,

сраженный его словами, „не мог возражать дельно и больше молчал“, хотя и был „очень уверен в нелепости им говоренного“ [1]). Несмотря на это, ценя литературную сторону предприятия своих Московских друзей, Пушкин одно время предполагал было принять в журнале деятельное участие и даже склонен был считать себя, а не Погодина, действительным редактором и вдохновителем журнала. В нем, действительно, участвовали близкие ему по духу люди — Д. Веневитинов, Рожалин, Шевырев, Титов, Мальцов, Соболевский, а затем согласились работать еще Языков, Козлов и сам Дельвиг [2]); но Пушкин, по выражению князя Вяземского, „скоро вышел из кабалы“ и охладел к журналу, участие в котором ограничил в течение 1827 г. — помещением 15 пьес, в 1828 — 9-ти, в 1829 — 6-ти и 1830 — всего 2-х.

Удивительно меток отзыв поэта о брате—его—Льве Сергеевиче: в нескольких фразах дана исчерпывающая характеристика этого богато одаренного, но беспутного человека, тогда 20-летнего юноши [3]); его склонность к кутежам и ресторанной жизни (откуда и упоминаемый поэтом долг известному Петербургскому ресторатору Andrieux, у которого бывал и он сам), к легким победам над женщинами и к вину (что̀ однажды побудило Пушкина поднести „Милостивому государю братцу“ книгу „О запое и лечении оного“) [4]), уживавшаяся с некоторой сантиментальностью [5]), подмечены с редкою наблюдательностью... Конечно, и о своем брате вспоминал поэт, когда писал про Ленского, что он „пел разлуку и печаль, и нечто, и туманну даль, и романтические розы“, и „те дальные страны, где долго в лоно тишины лились его живые слезы“; как видим, Лев Пушкин также, как и Ленский,

Пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ...

---

[1]) М. А. Цявловский, Пушкин по документам Погодинского архива — „Пушкин и его соврем.“, вып. XIX—XX, стр. 84.

[2]) Ср. у Н. Барсукова, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II, стр. 46 и след.

[3]) О нем см. в книге Л. Н. Майкова „Пушкин“, С.-Пб. 1899, и нашу биографическую заметку в „Архиве Раевских“, т. II, С.-Пб. 1909, стр. 459—462.

[4]) Б. Л. Модзалевский, Библиотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 15.

[5]) См. в нашей заметке о стихах Л. С. Пушкина—„Пушкин и его соврем.“, вып. XVII—XVIII, стр. 5—7.

Удивительно ярко очерчен под шутливым пером поэта и преданнейший его друг Петр Александрович Плетнев,—человек меланхолического нрава, чувствительный мечтатель-идеалист и посредственный поэт.

„Северные Цветы“ — известный альманах Дельвига — в 1827 году вышел в последних числах марта [1]); в нем из стихотворений Пушкина появились два отрывка из „Евгения Онегина“, послание к А. П. Керн и знаменитое „19-е октября 1825 г.“. В Москве он был уже в первых числах апреля [2]).

Слова Пушкина в начале письма о „весне-дуре“ опять напонамиют нам его стихи из „Онегина“:

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелым умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!...

или известные стихи из отрывка „Осень“ (1833 г.):

....Я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ;
Кровь бродитъ; чувства, умъ тоскою стѣснены.
Суровою зимой я болѣе доволенъ,
Люблю ея снѣга...

Отметим, наконец, мальчишески-шаловливую надпись Пушкина на адресе письма, который он начертал и кириллицей, и готическим шрифтом, и скорописью: надпись эта свидетельствуетъ о веселом настроении, в котором тогда пребывал поэт, лишь за полгода до того вырвавшийся из своего Михайловского заточения, упивавшийся свободою и жадно вбиравший в себя „все впечатленья бытия“.

Б. Модзалевский.

---

1) Н. Синявский и М. Цявловский, Пушкин в печати, М. 1914, стр. 41.

2) „Пушкин и его соврем.“, вып. XIX—XX, стр. 85 (запись в дневнике Погодина).

КНЯГИНЯ З. А. ВОЛКОНСКАЯ

ПИСЬМО К С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ.

В дополнение к вышеприведенным материалам, касающимся Д. В. Веневитинова, можем сообщить еще один небольшой, но любопытный документ, извлеченный нами из пачки семейной переписки Веневитиновых, хранящейся в Пушкинском Доме. Это — записочка княгини Зинаиды Александровны Волконской, адресованная: à Sophie, т. е. сестре поэта — Софии Владимировне Веневитиновой.

Воспроизводим в точности эту записочку, с соблюдением орфографии подлинника.

Comment va, ma bonne Sophie. Maman a-t-elle bien dormi? Le tems est si affreux, que je ne sais si je pourai venir aujourd'hui, s'il se remet un peu, vous me vérez, mais pas pour le diner, avant. Si non, demain possitivement. A-t-elle pleuré? Avez- vous dormi et Alexis s'est-il réposé? Nous avons beaucoup parlé hier du pauvre Dmitry. C'est un regrét général. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Z. V.

P. S. Voilà une lettre de ma b. mère Béloselsky, qui en vous fesant mal, vous fera du bien. Communiquez la à maman.

Записочка не датирована, но, судя по содержанию, написана, повидимому, в один из первых дней по получении в семье Веневитиновых, жившей в Москве, известия о смерти Дмитрия Владимировича, последовавшей в Петербурге 15 марта 1827 г. По свидетельству современников, семья Веневитиновых, осо-

бенно мать, была глубоко потрясена этим известием. От матери, нежно любившей своего сына-поэта, женщины весьма слабого здоровья, долго скрывали смерть Дмитрия Владимировича; когда же ей стало известно происшедшее, она впала в такое состояние, что не могла даже плакать. „Третьего дня сказали бѣдной матери" — писал один из оставшихся в Москве друзей Веневитинова, В. П. Титов в Петербург кн. В. Ф. Одоевскому,— „только нынче она начала плакать" [1]). Вот почему вопрос в записке Волконской: „a-t-elle pleuré" приобретает особое значение. Имеет смысл и вопрос относительно брата поэта — Алексея Владимировича: „s'est-il-reposé", если мы вспомним свидетельство И. В. Киреевского о том, „какое глубокое и проницающее горе овладело" Алексеем, когда он узнал о смерти Дмитрия Владимировича [2]). Письма Белосельской, которое было приложено к записке Волконской, не сохранилось в дошедшей до нас семейной переписке Веневитиновых, но возможно, что оно заключало в себе некоторые подробности о последних днях Д. В. Веневитинова, о чем Белосельская, жившая в Петербурге, несомненно знала от общих друзей поэта и одновременно с ними поспешила поделиться с кн. З. А. Волконской, которая не могла не интересоваться судьбой поэта, как женщина, которой было суждено сыграть в его жизни громадную роль, и как друг семьи Веневитиновых. Что она принимала участие в горе этой осиротевшей семьи и часто навещала ее, мы имеем свидетельство, напр., И. И. Дмитриева. „Жаль и Веневитинова, и его бедной матери" — писал он вскоре после похорон Дмитрия Владимировича (28 марта).— „Кн. Зенаида всякой день у ней" [3]). „Кн. Зенеида" несомненно считала себя в числе друзей Веневитинова, не только по тому, что друзья ее салона, где часто бывал и поэт, были друзьями последнего, но и по тому, что сам поэт считал ее своим другом. Известно, что, как выразился Некрасов,

Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный въ нее безнадежно.

Но известно из этих же самых стансов, что она на любовь поэта отвечала лишь дружбой. И в минуту последнего свиданья,

---

[1]) П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевскій. Том I, ч. I, М. 1913, стр. 312.

[2]) И. В. Киреевский. Полное собрание сочинений, т. II, М. 1911, стр. 290.

[3]) „Москвитянин" 1844 г., № 7, стр. 49.

перед отъездом Веневитинова из Москвы навсегда в Петербург, эта

Дружба в час прощанья
Любви рыдающей дала
..... зологом состраданья

перстень, древний перстень, отрытый „в могиле пыльной".

Но не любовь благословила им „пламень вечной", и над ним, над этим „вечным глашатаем любви", теперь молчал голос любви; „святого обета" над ним не произносили, „сердечной тоски" не было, была лишь... дружба [1]). Но поэт принял этот, залог и сохранил перстень, ставший для него талисманом, до гроба....

На взаимоотношения кн. Зинаиды и Веневитинова мы найдем не мало указаний в произведениях самого поэта, в его переписке, в переписке общих друзей; об этих отношениях не мало говорят и исследователи жизни Веневитинова, как А. П. Пятковский, Е. А. Бобров, племянник поэта М. А. Веневитинов и др.; имеется даже специальная статья Н. Н. Фатова: „Любовь и смерть Веневитинова" [2]). Но известно, что посторонние плохо разбираются даже в тех тайнах чужой любви, которые она успела выдать, и нам, разделенным от трагедии Веневитинова целым столетием, представляется много неясного в этом, на первый взгляд хорошо рассказанном варианте одной и той же вечной и всем известной сказки о любви.

Публикуемый нами документ не предоставляет нам слова, чтобы вновь, так или иначе, пересказывать историю несчастной любви Веневитинова, но обязывает объясниться по стольку, по скольку вносит какой-либо корректив. Любовь Веневитинова не была вообще тайной ни для друзей, ни для близких и семьи. Не касаясь вопроса, могли-ли близкие, хорошо зная натуру Дмитрия Владимировича, предвидеть роковой исход его страсти, как он сам то провидел, но, повидимому, для слуха родных поэта, по скольку им были известны перипетии его любви к замужней и гораздо старшей его годами женщине, жившей к тому же столь открыто, не заключалось ничего грозного в том аккорде, который взяла княгиня Зинаида в финале этой любви: в этом аккорде прозвучала лишь дружба и только. Правда, для сердца Веневитинова в этом аккорде прозвучал целый реквием его любви, но

---

[1]) См. стихотворение Д. В. Веневитинова: „К моему перстню".

[2]) „Русск. Филологич. Вестник" 1914 г., №№ 3—4.

в глазах семьи Веневитинова, в частности его матери, женщины строгих правил и глубоко религиозной, такой маневр кн. Зинаиды, повидимому, не делал смертельной пропасти между нею, юным поэтом и его семьей. Она продолжала оставаться другом семьи Веневитиновых и после отъезда поэта навсегда в Петербург (отъезда, быть может, вынужденного) и после трагической кончины поэта, случившейся через несколько месяцев и быть может ускоренной роковым исходом любви. В момент получения известия о смерти Веневитинова первым движением княгини, вероятно, было поделить горе, постигшее семью поэта, поделиться печальной вестью с его Московскими друзьми, и в ее блестящем салоне на Тверской заговорили снова du pauvre Dmitry. В поэтических поминках, устроенных друзьями Веневитинова, она приняла участие, посвятив ему пространное стихотворение на французском языке [1]). Она вложила в это стихотворение много поэтического пафоса, но живого чувства в нем мало, интимного же нет и следа. Память о Веневитинове она сохранила надолго. Уезжая навсегда из России, она воспоминание о нем увезла с собой в Италию. Там, в саду своей Римской виллы, кн. Зинаида, верная своему мистическому чувству связи живых с отошедшими в таинственный мир, устроила особую „аллею воспоминаний“ и в числе памятников в честь друзей, переселившихся в вечность, один посвятила Веневитинову, украсив его стихом поэта: „Как знал он жизнь, как мало жил“. Стих этот взят из стихотворения Веневитинова: „Поэт и друг“ и вырезан на его могильной плите, но, надо полагать, что кн. Зинаида помнила и другие стихи своего „друга“ - поэта, ей посвященные, равно как и его „Завещание“, в котором он грозил ей страшным наказаньем из-за гроба, если она изменит ему „памятью преступной“...

Кн. З. А. Волконская на много пережила Веневитинова. Она скончалась в 1862 г. в Риме, сделавшись на закате жизни ревностной католичкой. Конец ее был очень грустный: она умерла в крайней бедности, до нитки обобранная служителями святейшего престола.

И. Кубасов.

---

[1]) Оно помещено в ее „Oeuvres choisies“ (Paris. 1869), и не раз перепечатывалось; между прочим, приведено М. А. Веневитиновым, с его же переводом, в „Русск. Арх.“ 1885 г., кн. I, стр. 127—128.

А. В. НИКИТЕНКО.

ПИСЬМО К А. П. КЕРН.

В одном из недавно поступивших в Пушкинский Дом архивов оказался автограф письма известного профессора, писателя и академика Александра Васильевича Никитенка (род. 1804, ум. 1877) к Анне Петровне Керн.

Автограф не имеет окончания и даты, которая стояла, вероятно, в утраченном конце письма. Однако, дата эта, по дневнику Никитенка, содержащему указание несомненно на это самое письмо, устанавливается с точностью: *24 июня 1827 г.*[1]). — Что касается окончания письма, то содержание обрывка последней оставшейся фразы дает основание полагать, что не достает только заключительной части письма, не относящейся к исчерпанной уже основной его теме.

Письмо это печатается ниже, как не лишенное интереса и с точки зрения характеристики убеждений автора, и по личности красавицы - адресатки, довольно долго воспламенявшей в юные годы сердце нашего великого поэта Пушкина и вдохновлявшей его музу, конечно, в создании не только того полного неувядаемой прелести стихотворения, которое посвящено ей непосредственно: „Я помню чудное мгновенье“[2])...

---

[1]) Изд. 2-е (1904 г.), т. I, стр. 169.

[2]) Подробные биографические сведения об А. П. Керн дает статья Б. Л. Модзалевского „Анна Петровна Керн“, помещенная в примечаниях т. III собрания сочинений Пушкина, под редакцией С. А. Венгерова, изд. 1909 г., стр. 585—606; см. еще „Временник Пушкинского Дома“ 1914 г.

В дневнике Никитенка [1]) можно прочесть довольно подробно рассказанную им историю его романа с Керн и видеть, как сильно, хоть и не надолго обольстительная красавица всколыхнула его сердце; всколыхнула, но, к счастью не разбила, чему, без сомнения, помогли, с одной стороны, внезапный приезд в Петербург из изгнания славного поэта, на которого она не замедлила перенести свое внимание, приезд, воскресивший взаимные сердечные чувства его и красавицы, а с другой стороны — уже установившиеся у неизбалованного судьбою 23-летнего студента Никитенка черты характера и трезвые принципы, изложенные им и в печатаемом ныне письме, где он обосновывает обрисовку героя своего романа [2]) в ответ на упреки, сделанные ему А. П. Керн, между прочим, и в холодности его любовных изъяснений.

Милостивая Государыня,
Анна Петровна!

Благодарю Васъ за ту откровенность, съ которою вы изложили свои мысли о моихъ отрывкахъ. Я принадлежу къ роду людей, коихъ характеръ не вдругъ можно себѣ изъяснить, хотя думаю, что изъяснивши его разъ, не будутъ дѣлать дополненій, не будут стараться изгладить изъ памяти узнанное. Но мнѣ пріятно, что Вы успѣли получить объ немъ столь хорошее мнѣніе, что не думали оскорбить меня, осуждая во мнѣ автора. Вы не ошиблись!

Позвольте и мнѣ съ такою же искренностію сказать нѣсколько словъ не въ защиту себя, но для того, чтобы изъяснить нѣсколько причину впечатлѣнія, произведеннаго въ васъ моимъ опытомъ. Мнѣ кажется оная заключается во первыхъ въ томъ, что опытъ сей содержитъ въ себѣ частицу, въ коей недостатокъ связи съ другими препятствуетъ ей быть столько ясною и опредѣлительною, сколько должно. Мнѣ бы надобно было прежде присоединить къ ней другія и тогда вамъ представить. Во вторыхъ: можетъ быть наши мысли о нѣкоторыхъ предметахъ весьма различны. Для сего я долженъ сказать Вамъ нѣсколько словъ о себѣ и о тѣхъ понятіяхъ, на коихъ я основываю мою дѣятель-

---

[1]) То же изд., т. I, стр. 166—170 и 175.

[2]) В письме Керн к Никитенку и этом, ответном его письме речь идет об отрывках его романа, напечатанных потом в альманахе „Северные Цветы“ и в „Невском альманахе“ на 1832 г. под заглавием: „Леон или идеализм“.

ность умственную и нравственную: и мнѣ пріятно думать, что различіе сихъ понятій съ вашими заключается не въ иномъ чемъ, какъ только въ разныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ смотримъ мы на предметъ, равно занимающій насъ, равно занимающій всѣхъ, отдѣленныхъ жребіемъ души отъ *толпы*.—Я добръ и нѣженъ въ сердцѣ моемъ. *Нѣженъ?*—скажете Вы, можетъ быть съ улыбкою удивленія,—да, точно такъ! Но сіе тонкое чувство слишкомъ глубоко сокрыто въ моемъ сердцѣ, оно слишкомъ дорого для меня, слишкомъ разборчиво, чтобы быть обыкновеннымъ явленіемъ въ моей жизни.

Господствующая страсть, занимающая всѣ силы души моей, есть любовь къ человѣчеству, соединенная съ пламеннымъ стремленіемъ проникнуть въ тайну его блага и его злополучій. Я испыталъ бурю страстей: онѣ были сильны и глубоки, но смѣю сказать, что ни одна изъ нихъ не оставила на сердцѣ моемъ слѣда, котораго бы я долженъ былъ стыдиться—онѣ могли погубить меня, но не унизить. Изъ хаоса ихъ, изъ хаоса несчастій, которыя не были ни обыкновенны, ни мечтательны, я изнесъ душу мою въ первобытной ея чистотѣ, но мужественную, потерявшую вкусъ къ обыкновеннымъ удовольствіямъ жизни, готовую отвергнуть всякое счастіе, не соединенное со славою доблести. Вотъ, можетъ быть, почему люди, имѣвшіе ко мнѣ соотношенія, всегда почти располагались ко мнѣ двоякимъ образомъ: одни ощущали ко мнѣ любовь съ нѣкоторымъ родомъ томительнаго страха,—какъ они сами говорили. Чистота моихъ намѣреній, которую обыкновенно узнаютъ люди въ другихъ по какому то инстинкту,—производила первую; то, чего они не могли понять, рождало другой. Другіе, имѣвшіе случай узнать меня короче, любили меня просто и тихо и говорили, что это для нихъ хорошо. Къ третьему разряду можно бы причислить враговъ, но я почти ихъ не имѣлъ—и за чтс сдѣлались бы они моими врагами, когда я безъ всякаго педантскаго великодушія въ минуту ихъ злобы всегда готовъ спросить у нихъ спокойно: „не нуженъ ли я для нихъ“? Я имѣлъ еще гонителей; но это были слѣпыя орудія судьбы!

Послѣ сего Вамъ ясно будетъ, что, готовясь дѣйствовать въ кругу людей словомъ и дѣломъ и начиная хоть съ перваго, я совсѣмъ не имѣю въ виду растрогать только ихъ чувствительность или занять сердце игрою ихъ собственныхъ чувствованій; но направить ихъ, если можно, къ лучшему, то есть, къ простотѣ и благоразумнѣйшему понятію о ихъ собственномъ благѣ.

Я смотрю болѣе на то, что совершается и зрѣетъ въ нѣдрахъ нашего вѣка, нежели на то, что въ особенности движетъ какое-нибудь изъ сердецъ, имъ увлекаемыхъ.

Вотъ съ какимъ намѣреніемъ началъ я писать мое сочиненіе и съ какимъ буду продолжать его не спѣша, но зрѣло обдумывая и наблюдая вещи и людей. Выраженіе любви въ моемъ отрывкѣ вамъ кажется холодно: оно и не должно быть такъ пламенно, чтобы могло сжечь всѣ прочія чувствованія. Слѣдуя духу писателей, достойныхъ своей славы и благодарности людей, такъ же собственному моему убѣжденію, я желаю писать *о человѣкѣ* и *для человѣка*. Любовникъ, другъ, врагъ, счастливый и несчастный должны быть только, такъ сказать, средствами, чтобы сдѣлать что-нибудь полезное для перваго. И бываетъ ли когда человѣкъ только другъ, только любовникъ, врагъ, счастливъ и несчастливъ? Этого не можетъ быть въ природѣ—наши нужды и отношенія, наши должности слишкомъ многосложны, чтобы мы могли, что-бы мы смѣли заключить себя въ одномъ понятіи, или въ одномъ чувствѣ. Одна добродѣтель имѣетъ силу ихъ примирять, сосредоточивать и приводить въ гармонію—и самое лучшее для человѣка есть то, чтобъ быть *чаще* добродѣтельнымъ. Посему любовь у меня не должна составлять главнаго, единственнаго предмета; она не должна поглотить всего сердца моего героя, но занять только большую его часть — большую потому, что сіе чувство въ самомъ дѣлѣ сильнѣе многихъ. Въ вѣкъ любви рыцарь говорилъ своей красавицѣ: „Я люблю тебя больше моей славы и меньше чести“. Это потому, что человѣкъ съ возвышенною душою почитаетъ любовь за добродѣтель, но не за такую, съ которой бы оканчивались всѣ его должности. Повѣрьте, что если мужчина любитъ болѣе сего, то онъ или не достоинъ своего предмета, или любитъ воображеніемъ, а не сердцемъ. Самая любовь дѣлается для него средствомъ къ тому, чтобы возвысить себя героизмомъ доблести. Здѣсь не любовь производитъ *великое*; но *великое* уже рожденное, уже созрѣвшее въ душѣ благородной объемлется съ любовію и дѣлается могущественнымъ союзомъ силъ. Вы весьма тонко и справедливо замѣтили ошибку Руссо въ характерѣ Юліи; мнѣ кажется, что онъ сдѣлалъ ее также и въ характерѣ *Сенъ-Пре*. Онъ малодушенъ; онъ никогда не въ состояніи былъ бы сказать своей любезной, какъ сказалъ одинъ Римлянинъ: „Не плачь, мой другъ! Я разстаюсь съ тобою, чтобъ пасть за отечество“. Бомстонъ учитъ его какъ школьника быть нѣсколько добродѣтельнымъ.

Гомеръ въ этомъ случаѣ лучше Жанъ-Жака зналъ человѣческое сердце; у него Андромаха знаетъ, любитъ, видитъ одного Гектора; это естественно: для женщины предметъ, ее достойный, не только любовникъ: онъ для ней все, — онъ составляетъ для нее цѣлый міръ. Но Гекторъ не можетъ быть такимъ: ибо Троя бѣдствуетъ и Ахиллъ не дремлетъ. Любовникъ—все любовникъ и безпрестанно любовникъ долженъ быть несносенъ для своей любезной.

Еще: мой герой умствуетъ—говорите вы—Какъ же быть! онъ долженъ высказать часть понятиій и чувствъ вѣка. Лишь бы онъ не завирался—моя героиня хоть из любви къ нему будетъ слушать его рѣчи. — Я не желаю, чтобы, прочтя мою будущую книгу, сказали только: „Какъ она пріятна,—ея авторъ долженъ быть любезный человѣкъ". Но чтобы нѣсколько задумались надъ ней и сказали: „Она и полезна—авторъ ея желаетъ намъ добра; онъ долженъ быть добрый человѣкъ".

Вотъ Вамъ часть моей исповѣди. Когда вы истребите сіе письмо, о чемъ усердно ....[1]).

*

Письмо Никитенка характерно и для него самого, и для лица, к которому обращено; в нем слышны отголоски тем, волновавших людей середины 1820-х годов, когда созданы были, а частию еще создавались герои поэм Пушкина, когда темы эти служили предметом споров и рассуждений, бесед и переписки. И как любопытно приподнять край завесы, скрывшей от нас то далекое прошлое, и услышать молодой голос будущего академика и профессора в задушевной беседе его с очаровательной молодой женщиной, так много любившей и так много выстрадавшей в жизни...

Н. Орлеанский.

---

[1]) На этомъ словѣ (въ концѣ 4-й страницы листа) прерывается воспроизводимый автографъ.

С. П. ШЕВЫРЕВ

ПИСЬМО К БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ.

В № 94 „Северной Пчелы“ за 1830 г. (четверток, 7 августа) издатель ее Булгарин поместил фельетон, за подписью „Ѳ. Б.“, под заглавием: „Второе письмо из Карлова на Каменный Остров“. В нем, среди совершенно бессодержательной болтовни, он сделал несколько выпадов против современной русской литературы враждебного ему лагеря. Он писал, что в Дерпте „получено письмо из Парижа, в котором уведомляют, что в чужих краях странствуют несколько юных Россиян, которые выдают себя за первоклассных Русских Поэтов, Философов и Критиков, и всем Журналистам обещают сообщать известия о России, а более о Русской Литературе“... В числе самозванцев указаны „тот самый почтенный Критик, который выступил на поприще Словесности в нынешнем году *Обозрением Словесности*, напечатанным в Альманахе *Денница* [1]), и назвал моего бедного Выжигина [2]) книгою одного достоинства с сонниками и гадательными книгами, а читателей Выжигина сравнял с публикой толкучего рынка“ и „одел Музу нашего доброго издателя Литер. Газеты... в Душегрейку новейшего уныния [3])“ — не трудно было в этих словах

---

[1]) „Обозрение русской словесности 1829 года“, статья И. В. Киреевского в „Деннице“, альманахе на 1830 г., изданном М. А. Максимовичем.

[2]) „Иван Выжигин“ — роман Ф. В. Булгарина.

[3]) „Его (Дельвига) муза была в Греции... но ее нежная краса не вынесла бы холода мрачного Севера, если бы поэт не прикрыл ее нашею народною одеждою, если бы на ее классические формы он не набросил душегрейку новейшего уныния...“ („Денница на 1830 г.“, стр. LIX). Над этим выражением много издевалась современная критика, и, как известно, Пушкин написал критическую заметку в защиту Киреевского, не напечатанную, однако, при его жизни (см. Сочинения Пушкина, изд. „Просвещение“, под ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 281).

угадать Ив. Киреевского,—и другой—„Автор писем из Италии, помещаемых в Московском Вестнике, и соучастник по изданию сего Журнала“ — т. е. С. П. Шевырев [1]).

Шевырев жил в то время в Риме [2]) и был живо задет этим выпадом; он отвечал пространным письмом в редакцию „Литературной Газеты“ Дельвига, хорошо ему знакомого. Дельвиг, сам задетый некоторыми замечаниями Булгарина, тотчас напечатал письмо [3]) не только полностью, но прибавил к нему даже несколько фраз от себя [4]). Шевырев решительно и резко отвергал, как „пустую выдумку, не приносящую чести изобретателю оной“, все указания Булгарина о сношениях „юных Россиян“ с иностранными журналистами и об их самозванстве; „эта выдумка непозволительная, непристойная“—говорит он, „грех против отсутствующих обвиняемых, которые не могут ответить“; цель Булгарина ясна: „он предупреждает заранее читающую публику, что если будут неблагосклонные отзывы об его сочинениях в иностранных журналах (а! видно он их боится), то они непременно проистекут от юных Россиян, по Европе путешествующих. Не думает ли уж он, что юные Россияне с тем и предприняли путешествие, чтобы во всех странах Европы... изгладить следы его славы, по всем концам света разлившейся?“. Шевырев уверяет, что из патриотизма вступился бы даже за Булгарина, если бы на него нападали иностранные журналы. В заключение он указывает, что хотел послать письмо издателям самой „Северной Пчелы“, но, „вспомнив, как они, при разборе стихов его, употребляли оружием против меня даже невежество своих наборщиков,... не решился вверяться их великодушию“ и обратился в Литературную Газету.

---

[1]) С. П. Шевырев был ближайшим сотрудником М. П. Погодина по изданию „Московского Вестника“ от его основания (1827 г.), ведя в нем отдел критики; ряд „Писем Русского путешественника из Италии“ помещен в журнале за 1830 г. (см. № 1, стр. 91—110; № 2, стр. 192—206; № 5, стр. 78—88; № 6, стр. 193—201; № 8, стр. 361—381; № 11, стр. 262—273).

[2]) Он отправился туда на три года (с 1829), в качестве учителя сына известной поэтессы княгини З. А. Волконской.

[3]) „Литературная Газета“ 1830 г., т. II, стр. 161—163: „Письмо к издателю Литературной Газеты“, с пометою: „Рим, 1830. Сентября $^{14}/_{2}$“.

[4]) На это указывает редакторская помета карандашом в данном месте письма; возможно, конечно, что дополнение было написано Шевыревым на отдельном листке, который теперь затерялся. Письмо, на двух листах тонкой почтовой бумаги большого формата, с адресом и печатью на обороте, находится в составе Дашковского собрания Пушкинского Дома.

Интересны некоторые поправки, внесенные Шевыревым в рукопись текста письма. Он пишет сначала: „в сих словах заключается сущая *ложь* (не могу избрать термина приличнее и утверждаю его публично подписью моего имени)“—тщательно зачеркивает всю фразу и заменяет ее словами: „это одна пустая выдумка“. Далее пишет о том, что противники „Северной Пчелы“ не могут „отразить нападений *неправых*“ — меняет последнее слово на „*ложных*“, зачеркивает оба варианта и пишет „несправедливых“. „Северная Пчела“ „распространяет об них *ложь*“— изменено сначала на „неправду“, в окончательном же тексте на „выдумку“; „не получать ее („Северной Пчелы“) в чужих краях для юных Россиян *опасно*“ (чтобы не сделаться заочно жертвою нападок)—заменено на „неосторожно“. „Г. Булгарин *распространяет ложь*“—„печатает неправду“. Остальные поправки—редакционные. Но здесь направление ясно: осторожный и „воспитанный“ Шевырев старался сгладить резкость и придать письму возможно более корректный вид.

Сам Дельвиг, в прибавленных им словах, указывает на вред, который может принести России перевод „Выжигина“ на иностранные языки, ибо в нем „все пороки представлены в стекле увеличительном и каррикатурном“, и роман дает неверное представление о России.

К оффициальному письму в редакцию Шевырев сделал и частную приписку к Дельвигу такого содержания:

„Прошу Васъ, Почтеннѣйшій Баронъ, напечатать это письмо въ вашей Газетѣ поисправнѣе. Хотя обыкновенно никогда я не отвѣчалъ на выходки Сѣв. Пчелы, но на этотъ разъ не могъ не измѣнить своему правилу. Эти люди всѣми средствами хотятъ отмщать за литературныя мнѣнія, пользуясь временемъ и обстоятельствами всякаго рода[1]). Прошу Васъ повторительно и покорнѣйше напечатать письмо поисправнѣе.

Хотя и стороною, но пріятно мнѣ было слышать, что первое письмо мое къ Вамъ было напечатано[2]). Приношу Вамъ мою

---

[1]) Имеются в виду отзывы Шевырева в „Московском Вестнике“ о Булгарине, как о беллетристе, и о „Северной Пчеле“ („Моск. Вестн.“ 1828 г., ч. VII, стр. 77—78, ч. VIII, стр. 398—424).

[2]) „Письмо из Рима к издателям Л. Г. (о распре журналов итальянских и французских, касательно выставки произведений искусств в Капитолии; о трудах русских художников, пребывающих в Риме, и др.)“ с датою: Рим, 1830, Іюня 5 н. с. Без подписи — „Литературная Газета“ 1830 г., т. I, № 36, стр. 288—292.

благодарность за Газету: она мнѣ тѣмъ болѣе понравилась, что пахнетъ благороднымъ, умѣреннымъ духомъ Европы и уничтожаетъ злую вонь Азіатской Пчелы. — Препровождаю къ Вамъ нѣсколько стихотворныхъ бездѣлокъ для Сѣв. Цвѣтовъ и постараюсь прислать что нибудь въ прозѣ.—Прошу Васъ поклониться отъ меня П. Вяземскому [1]), Одоевскому [2]), Титову [3]) и прочимъ, меня знающимъ.

Преданный Вамъ душевно Шевыревъ.

Если скажутъ, что въ соч[иненіяхъ] Гор[ація] нѣтъ такой Оды, можете объявить въ мою защиту, что я поднялъ папирусъ въ Помпеѣ; если обвинятъ въ дерзости, что я осмѣлился къ Одамъ Гор[ація] прибавить свою, то прошу Васъ извинить меня эпитетомъ: послѣдняя. Подъ всѣми піэсами можете поставить мое имя".

Оба стихотворения, о которых идет речь, приписаны на обороте того же листа письма. Над одним пометка Шевырева: „Вам предоставляю окрестить"; Дельвиг напечатал его перед самым письмом в „Литературной Газете" под названием „Сравнение" [4]). Другое, названное „Ода Горация последняя (IV кн. 16-я)" напечатано в альманахе „Северные Цветы" на 1831 г. [5]); оба без изменений и с подписью.

Письмо Шевырева дает яркую черточку к истории журнальной полемики того времени против Булгарина и его соратников. Интересно отметить, что в том же фельетоне Булгарина, на который отвечал Шевырев, содержится известный выпад против Пушкина о том, что „какой то Поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от Мулата, или, не помню, от Мулатки, стал доказывать, что один из предков его был Негритянский Принц. В Ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого Негра,

---

[1]) Петру Андреевичу.

[2]) Князю Владимиру Федоровичу.

[3]) Владимир Павлович Титов, товарищ Шевырева по Университетскому Благородному Пансиону, член литературного общества С. Е. Раича, кружка любомудров Д. В. Веневитинова, сотрудник „Мнемозины" и „Московского Вестника", впоследствии дипломат и член Государственного Совета.

[4]) „Литературная Газета" 1830 г., т. II, № 56, стр. 161.

[5]) „Северные Цветы на 1831 г.", стр. 49. Действительно, в сочинениях Горация такой оды нет, и она принадлежит Шевыреву.

которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил Негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что к этому Негру признается стихотворец!—vanitas vanitatum!".

Пушкин не замедлил тою же осенью ответить несколькими стихами в послесловии к „Моей Родословной":

Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля...

Но ответ поэта увидел свет уже много лет после его смерти [1]).

Н. Измайлов.

---

[1]) См. Сочинения Пушкина, изд. Брокгауз-Ефрона, под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. LVIII (примечания), а также критические заметки и наброски Пушкина, предназначавшиеся, вероятно, для „Литературной Газеты" (см. Сочинения Пушкина, изд. „Просвещение", под ред. П. О. Морозова, т. VI, стр. 271—278).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Аксаков, Григорий Сергеевич 12.
Аксаков, Иван Сергеевич 12.
Аксаков, Константин Сергеевич 11, 12.
Аксаков, Сергей Тимофеевич 11–18, 43, 44.
Аксакова, Анна Тимофеевна, см. — **Воейкова**.
Аксакова, Вера Сергеевна 12.
Аксакова, Надежда Тимофеевна, см. — **Карташевская.**
Аксакова, Ольга Семеновна, род. **Заплатина** 11.
Александр I, Император 15, 58.
Andrieux, ресторатор 80, 84.
Аракчеев, гр. Алексей Андреевич 22, 61.
Арапов, Пимен Николаевич 48.
Ариост 74.
Ахшарумов, Дмитрий Иванович 37.
Байрон, лорд, 50, 64, 74, 98.
Барсуков, Николай Платонович 84.
Бартенев, Петр Иванович 30.
Батюшков, Константин Николаевич 28, 41.
Белинский, Виссарион Григорьевич 68, 69.
Белосельская - Белозерская, княгиня Анна Григорьевна, рожд. Козицкая 86, 87.
Белосельская - Белозерская, кн. Зинаида Александровна, см. — **Волконская**, кн.
Беляев, Михаил Дмитриевич 35.
Беницкий, Александр Петрович 28.
Бенкендорф, гр. Александр Христофорович 61, 81.
Бернет — см. **Жуковский**, А. К.
Бестужев (Марлинский) Александр Александрович 56, 64, 65, 66.
Бехтеев, Алексей 26, 27, 28.
Бируков, Александр Степанович 55, 56.
Бобров, Евгений Александрович 88.
Божерянов, Иван Николаевич 15, 16.
Боратынский, Евгений Абрамович 28, 70, 71.
Булгарин, Фаддей Венедиктович 51 — 68, 73—76, 95—98.
Булич, Сергей Константинович 41, 42.
Варгин, купец 48.
Венгеров, Семен Афанасьевич 11, 18, 40, 56, 57, 58, 90, 99.
Веневитинов, Алексей Владимирович 86, 87.
Веневитинов, Дмитрий Владимирович 80–89, 98.
Веневитинов, Михаил Алексеевич 88, 89.
Веневитинова, Анна Николаевна, 87, 89.
Веневитинова, София Владимировна 86–89.
Верстовский, Алексей Николаевич 74, 78.
Виардо-Гарсиа, Полина 12.
Вигель, Филипп Филиппович 30.
Виртемберский король 15.
Владиславлев, Владимир Андреевич 69.

Воейков, Александр Федорович 51, 52, 56, 60, 63—69, 74, 76.
Воейкова, Александра Андреевна, рожд. **Протасова** 63, 64, 65, 67.
Воейкова, Анна Тимофеевна, рожд. **Аксакова** 14, 16.
Волконская, кн. Зинаида Александровна, рожд. княжна **Белосельская-Белозерская** 86—89, 96.
Волконский, князь Александр Никитич 96.
Вольтер 25, 43.
Вольховский, Владимир Дмитриевич 20, 23.
Вяземский, кн. Петр Андреевич 25, 59, 73, 74, 76, 81, 84, 98.
Гагарин, кн. Иван Алексеевич 44.
Гагарина, княгиня Екатерина Семеновна, родж. **Семенова** 43, 44, 45, 47, 48, 49.
Гаевский, Виктор Павлович 75.
Гаевский, Павел Иванович 82.
Ганнибал, Абрам Петрович 99.
Гастфрейнд, Николай Андреевич 21.
Гауеншильд, проф. 22.
Глазунов, Иван 38.
Гнедич, Николай Иванович 36—42, 43—45, 56—60, 70—71.
Гоголь, Николай Васильевич 12.
Голицын, князь Александр Николаевич 71.
Голицын, князь Николай Владимирович 12.
Голицын, князь Дмитрий Владимирович 47, 48.
Головин, Василий 78, 79.
Головины 74, 75, 78.
Гомер 94.
Горчаков, князь Александр Михайлович 23.
Гофман, Модест Людвигович 71.
Грамматин, Николай Федорович 27.
Греч, Екатерина Ивановна 52, 60.
Греч, Николай Иванович 51—62, 64, 65, 66, 68, 75.
Грот, Константин Яковлевич 21.
Грот, Яков Карлович 21, 23.
Грушевский, Михаил Сергеевич 40, 41.
Hulein, m-lle 48.
Дашков, Дмитрий Васильевич 28.
Дашков, Павел Яковлевич 75, 96.
Дельвиг, барон Антон Антонович 20, 24, 64, 65, 70, 71, 80—85, 95—99.
Дельвиг, баронесса София Михайловна, рожд. **Салтыкова** 71.
Державин, Гавриил Романович 15.
Дидло, балетмейстер 48.
Дмитриев, Иван Иванович 73, 87.
Дмитриев, Михаил Александрович 73, 76, 77.
Евгений, митрополит 40.
Екатерина Павловна, Великая княгиня, герцогиня Ольденбургская, королева Виртембергская 13, 15, 16.
Елизавета Алексеевна, Императрица 13.
Есаков, Семен Семенович 19, 23.
Ефремов, Петр Александрович 58.
Ефремов, Сергей 39, 40.
Жандр, Андрей Андреевич 43.
Житецкий, Павел Игнатьевич 39, 40.
Жорж, актриса 49.
Жуковский, Василий Андреевич 55, 58, 63 - 65, 69—71, 73, 74.
Загоскин, Михаил Николаевич 47.
Заплатина, Ольга Семеновна, см. **Аксакова**.
Измайлов, Александр Ефимович 27, 28, 63, 64, 65, 66, 73.
Измайлов, Николай Васильеевич 18, 22 - 23, 99.
Илличевский, Алексей Демьянович 20, 24.
Ильинский, Леонид Константинович 45.
Инзов, Иван Никитич 58.
Казначеев, Александр Иванович 14, 17.
Кальдерон, 74.
Каменецкий, Осип Кириллович 40, 41.
Капнист, Василий Васильевич 42.
Карамзин, Николай Михайлович 15, 73.
Каратыгин, Василий Андреевич 49.
Каратыгин, Петр Андреевич 45.
Каратыгина, Александра Михайловна, рожд. **Колосова** 24, 44.
Карл VI, Император 78.

Карташевсвая, Любовь Григорьевна, см. — **Маркович.**
Карташевская, Мария Григорьевна 11, 12.
Карташевская, Надежда Тимофеевна, рожд. **Аксакова**, по первому браку **Мосолова** 11—18.
Карташевский, Григорий Иванович 12.
Катенин, Павел Александрович 43, 75.
Качановский, Михаил Трофимович 73.
Кеппен, Петр Иванович 42.
Керн, Анна Петровна 81, 85, 90—94.
Киреевский, Иван Васильевич 87, 95, 96.
Киселев, Николай Дмитриевич 64, 65.
Княжевич, Александр Максимович 28.
Князев, Гавриил Михайлович 11.
Козлов, Иван Иванович 28, 84.
Кокошкин, Федор Федорович 46—50.
Колосова, Александра Михайловна, см. - **Каратыгина.**
Колосоза, Евгения Ивановна 24.
Кольцов, Алексей Васильевич 68.
Коплан, Борис Иванович 28.
Корнилович, Александр Осипович 51, 60.
Корф, барон Модест Андреевич 21, 22, 23.
Котляревский, Иван Петрович 36—42.
Коцебу, Август 16.
Кочубей, С. М. 38.
Кошанский, Николай Федорович 22.
Краевский, Андрей Александрович 67.
Красовский, Александр Иванович 52, 55, 57, 60.
Крылов, Иван Андреевич 73.
Кубасов, Иван Андреевич 10, 89.
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович 23, 52, 60, 72—79.
Лабзин, Александр Федорович 16.
Лазов, актер 14, 16.
Лернер, Николай Осипович 55, 58.
Лобанов, князь 59.
Лобанов, Михаил Евстафьевич 42, 44, 46—50.
Лонгинов, Михаил Николаевич 27, 28.
Лященко, Аркадий Иоакимович 42, 62, 68.
Мазаев, Михаил Николаевич 27.
Майков, Леонид Николаевич 21, 84.
Максимович, Михаил Александрович 95.
Малиновский, Василий Федорович 22.
Малиновский, Иван Васильевич 19, 21, 23.
Мальцов, Иван Сергеевич 84.
Маркович, Андрей Николаевич 11.
Маркович, Любовь Григорьевна, рожд. **Карташевская** 11.
Маркович, Николай Андреевич 11.
Мартынов, Иван Иванович 25.
Маслов, Дмитрий Николаевич 20.
Матюшкин, Федор Федорович 23.
Мельгунов, Николай Андреевич 38.
Меншиков, князь Александр Данилович 78.
Меншиков, князь Александр Сергеевич 37.
Мерзляков, Алексей Федорович 73.
Милонов, Михаил Васильевич 26—28.
Михайловский - Данилевский, Александр Иванович 67.
Модзалевский, Борис Львович 10, 12, 17, 25, 31, 69, 71, 84, 85, 90.
Мойер, Екатерина Ивановна 64, 65.
Мойер, Иван Филиппович 65, 71.
Мойер, Мария Андреевна, рожд. **Протасова** 65.
Мольер 14, 18, 46, 49.
Морозов, Петр Осипович 95, 99.
Мосолов (Солобуев) 17.
Мосолова, Надежда Тимофеевна, рожд. **Аксакова,** см. — **Карташевская.**
Муравьев, Михаил Никитич 28, 69.
Надеждин, Николай Иванович 43.
Нахимов, Аким Николаевич 28.
Некрасов, Николай Алексеевич 87.
Нессельроде, граф Карл Васильевич 58.
Никитенко, Александр Васильевич 90—94.
Николай I, Император 61.
Новацкий, Иван Иванович 42.
Новосильцов, Николай Николаевич 61.
Одоевский, князь Владимир Федорович 72 — 79, 87, 98.
Озеров, Владислав Александрович 43, 47, 65.

Олег Константинович, великий князь 25.
Олин, Валериан Николаевич 74, 77.
Ольдекоп, Евстафий Иванович 65.
Ольденбургский, принц Георгий 13, 15.
Орлеанский, Николай Михайлович 94.
Павлищев, Лев Николаевич 30.
Павлищева, Ольга Сергеевна, рожд. **Пушкина** 30.
Панаев, Владимир Иванович 28.
Парпура, Максим Осипович 38, 39, 40, 41.
Перевощиков, Василий Матвеевич 64, 66.
Петухов, Евгений Вячеславович 63.
Писарев, Александр Александрович 77.
Писарев, Александр Иванович 47, 73, 74, 77.
Плетнев, Петр Александрович 44, 66, 80, 85.
Погодин, Михаил Петрович 83, 84, 85, 96.
Поляков, Александр Сергеевич 63.
Протасова, Александра Андреевна, см.— **Воейкова.**
Протасова, Мария Андреевна см. — **Мойер.**
Пушкин, Александр Сергеевич 10, 12, 17, 19—25, 29, 30, 31, 41, 43, 46, 48, 49, 50, 51, 53, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 63, 64, 65, 71, 72, 73, 75, 76, 78, 80—85, 90, 94, 95, 98, 99.
Пушкин, Василий Львович 25, 55.
Пушкин, Лев Сергеевич 31, 50, 55, 56, 58, 63, 64, 80, 81, 82, 84.
Пушкин, Сергей Львович 70, 71.
Пушкина, Надежда Осиповна, рожд. **Ганнибал** 71.
Пушкина, Ольга Сергеевна, см.—**Павлищева.**
Пушкина, Софья Федоровна, по мужу **Панина** 81.
Пущин, Иван Иванович 20, 21, 23.
Пятковский, Александр Петрович 88.
Разумовский, граф Алексей Кириллович 22.
Раич, Семен Егорович 98.
Расин, Жан 43, 46, 47, 49, 50.
Рикорд, Петр Иванович 37.
Richard, арт. 48.
Рожалин, Николай Матвеевич 84.
Розанов, Иван 66.
Розинг, 13, 16.
Романовская, Анна Ивановна 14, 16.
Романовский, Василий Васильевич 16.
Руссо, Жан-Жак 15, 22, 94.
Рылеев, Кондратий Федорович 64, 65.
Саитов, Владимир Иванович 30, 58.
Сакулин, Павел Никитич 87.
Салтыкова, Софья Михайловна, см. — **Дельвиг**, баронесса.
Сахаров, Иван Петрович 66.
Свиньин, Павел Петрович 64, 65, 66.
Селезнев, И. 23.
Семенова, Екатерина Семеновна, см.— **Гагарина**, княгиня.
Сенковский, Осип Иванович 56, 67.
Сидоров, Н. 66.
Синявский, Н. 76, 85.
Смирдин, Александр Филиппович 16, 28, 67.
Соболевский, Сергей Александрович 29—35, 84.
Сомов, Орест Михайлович 28.
Срезневский, Всеволод Измайлович 38.
Суворин, Алексей Сергеевич 54.
Судовщиков, Василий Родионович 28.
Сухомлинов, Михаил Иванович 42.
Титов, Владимир Павлович 84, 87, 98.
Тиханов, Павел Никитич 42, 44.
Толстой, Яков Николаевич 59.
Томашевский, Борис Викторович 79.
Тургенев, Александр Иванович 57, 58.
Тургенев, Иван Сергеевич 66.
Тургенев, Сергей Иванович 58.
Фатов, Николай Николаевич 88.
Федоров, Борис Михайлович 75.
Фовицкий, Иван Михайлович 27.
Фомин, Александр Григорьевич 56.
Fränkel, Ludwig 35.
Фридрих-Павел-Александр, принц 16.
Фролов, Степан Степанович 19—25.
Хвостов, граф Дмитрий Иванович 43—45, 66, 75, 82.
Хемницер, Иван Иванович 83.
Цертелев, князь Николай Андреевич 42.

Цявловский, Мстислав Александрович 76, 84, 85.
Чаадаев, Петр Яковлевич 55.
Шаликов, князь Петр Иванович 30, 79.
Шаховской, князь Александр Александрович 43, 72, 75, 77.
Шевырев, Степан Петрович 84, 95—99.
Шекспир, Вильям 74.
Шеллинг, 74, 77.
Шеридан, писатель 47.
Шиллер, Фридрих 17, 18, 43, 74.
Ширинский-Шихматов, кн. 75.
Шишков, Александр Ардальонович 75, 78.
Шишков, Александр Семенович 15, 17, 18, 28, 42, 75.
Шляпкин, Илья Александрович 21.
Шушерин, Яков Емельянович 14, 15, 16 18, 44, 45.
Щеголев, Павел Елисеевич 56.
Щепкин, Михаил Семенович 77.
Эдип, царь 16.
Энгельгардт, Егор Антонович 23.
Языков, Николай Михайлович 63—69, 84.
Яковлев, Михаил Лукьянович 23.
Яковлев, Николай Васильевич 50.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АТЕНЕЙ»
ПЕТЕРБУРГ
6. Литейный 28.